

Б И Б Л И О Т Е К А

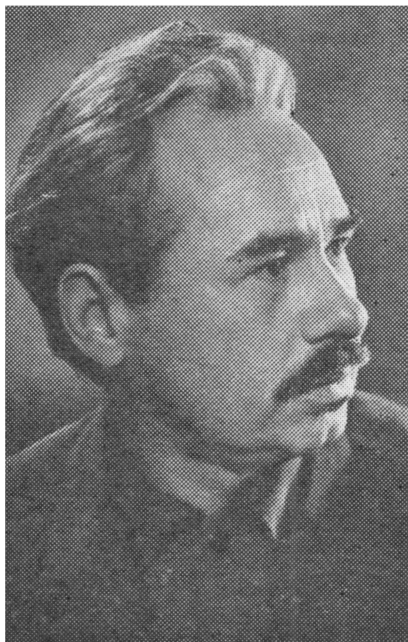
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 43

1981

Виктор БАНЬКИН

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БАЛАМУТ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 43

Виктор БАНЬКИН

БАЛАМУТ

ПОВЕСТЬ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1981

Виктор БАНЬКИН

Виктор Иванович Баныкин родился в Ставрополе на Волге — старинном городке напротив живописных Жигулей — в семье шорника-кустаря.

Еще посещая среднюю школу, он уже сотрудничал в районной газете «За сплошную коллективизацию». Весной 1936 года переехал в Самару, где работал в газете Приволжского военного округа «Красноармеец». Летом того же года принимал участие в экспедиции по сбору фольклора о легендарном герое гражданской войны В. И. Чапаеве.

В 1939 году в краевом издательстве вышла первая книга «Рассказы о Чапаеве», переведенная на многие языки.

В 1956 году окончил Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. С 1957 года живет и работает в Москве. За это время им написано много книг, получивших широкую известность: романы «Лешкина любовь», «Фомичевы», повести «Хочу быть человеком», «Мачеха», «Баламут», «Неравный брак», «Старый кордон» и др.

Повести «Весной в половодье» и «Счастлирое лето» удостоены премий на Всесоюзном и Всероссийском конкурсах на лучшую детскую и юношескую книгу.

I

Веселый этот дождик обрушился внезапно. Еще даже не затуманилось солнце, и на круто изгибающуюся подковой Светлужку можно было смотреть лишь из-под ладони, а от Усольского бора, цепляясь за лохматые вершины сосен, на огороды напознала туча, роняя на землю увесистые, точно градины, капли.

— Ой, девоньки, ливень! — закричала игриво Сонька. — Айда в шалаш!

Подбирая рукой подол и без того короткого сарафана, она поскакала с резвостью брыкливой телки в сторону стоящего на бугре обветшалога шалашика.

За грудастой кургузой Сонькой понеслись к унылому двугорбому шалашу и незрелые еще девчонки, вчерашние школьницы, визгом и смехом оглашая истомленную зноем окрестность.

Одни степенные матери семейств во главе с бригадиршей теткой Полей по-прежнему не разгибали спины, таяпа и таяпа мотыгами, будто заводные. Они, наверно, думали: «Перегодим малость, и он стихнет, брызгун-баловник!»

Но ядреный этот дождь и не собирался переставать. С той же бесшабашной веселостью он зачастил пуще прежнего. И все вокруг как-то сразу обильно намокло: и огуречная и дынная ботва, и комковатая, почерневшая в междурядьях земля, и обмякшие кучки сорной травы, опротивевшей Олегу до чертиков.

— Сиганем, Лариска, под калину! — свистящим шепотом проговорил Олег, обращаясь к младшей сестре Соньки. — Слышь, Лариска. Передовые мамы тоже к шалашнику затрусили.

И он, отшвырнув подалее от себя мотыгу, перемахнул через грядку. Схватил Лариску за смуглую горячую руку, повыше локтя, и чуть ли не силой потащил ее к белой, в цвету, калине, стыдливой красавице, смиренхонько стоящей на этой урожайной приречной полосе.

— Пусти! Ну, пусти же, Олег! Я не слепая, сама дорогу вижу! — незлобиво, больше для порядка, проворчала Лариска. — И так уж кое у кого языки чешутся!

Олег беззаботно хохотнул. Но Ларискину руку все же выпустил из своей широкой лапищи. Съязвил:

— Хо-хо! Им не привыкать! У клубного крыльца новые скребки приколотили... ей-ей для кумушек! Пусть и чешут свои языки.

Прибавив шагу, Лариска первой нырнула под дерево, осыпанное и белыми цветами и дождевыми бисеринами.

Неуклюжий, угловатый Олег, намеревавшийся так же проворно, как Лариска, поднырнуть под опустившуюся чуть ли не до земли отяжелевшую ветку, задел за нее мосластым плечом, и его обдало градом дождинок и медвяно-дурманящим, с горчиночкой, запахом цветущей калины.

— Ой! — приглушенно вскрикнула Лариска — весело и боязливо в одно и то же время, — прикрываясь руками от ледяных капель.

Она сидела на корточках, спиной к Олегу, слегка пригнув к земле голову. Он слышал ее учащенное дыхание, волнуящее кровь, он видел на ее бледно-загорелой, красиво изогнутой шее дрожащую капельку, и у него темнело в глазах.

Сколько томительных дней охотился Олег за этим вот счастливым и желанным мигом! И упустить его было бы непростительно.

Жмуря глаза и холодея сердцем, словно бы намереваясь броситься в морскую пучину, Олег наклонился и поцеловал Лариску в шею. Поцеловал в крошечную ямку с нежнейшим пушком, куда спускались с затылка крутые кольца волос.

— Не хватало еще этого! — вскричала — опять же приглушенно — Лариска, с необычайной ловкостью выскальзывая из Олеговых рук. С той же завидной расторопностью она повернулась к парню разгневанным лицом, заноса над ним кулаки.

И Олег покорно уронил ей в колени круглую, точно арбуз, голову. Ожесточенно забарабанила Лариска кулачками по его чугунно-коричневой спине, туго обтянутой майкой, липкой от пота и дождя.

Улыбаясь про себя блаженно, Олег в это время думал:

«А под левой грудью у Лариски тоже есть махонькая пестринка? Такая же родинка, как и у Соньки? Есть или нет?»

— Хватит! Ишь развалился! — сердито, чуть не плача, сказала тут Лариска. — Я все кулаки измолотила о его бесчувственную спину, а ему и горя мало!.. Ну, кому я говорю?

Медленно поднял голову Олег и так же медленно отстранился от Лариски — насколько позволяла позади обжигающая крапива.

Они оба тяжело дышали. Тот и другой старались не глядеть друг на друга. И протяжный насмешливый голос, докатившийся до них от шалаша, был как нельзя кстати:

— Эй, вы, боگوی отшельники! Вылезайте, дождь перестал!

— Я первой, — заторопилась вдруг Лариска, приглаживая зеленоватыми от травы пальчиками растрепанные волосы. — Языком, смотри...

Олег не дал ей договорить:

— Уж напугалась!

— Я тебя знаю! — строго повела бровью Лариска. — У тебя ветра в голове на троих хватит!

Молчал Олег, стараясь изобразить на округло-курносом лице своем отчаяние.

Мельком глянув ему в глаза — печальные и молящие, — Лариска прикусила нижнюю губу. И неслышно выпорхнула из-под калины.

Снова донесся от шалаша голос — все тот же язвительно-насмешливый:

— Эй, ударница! Беги сюда: обеденная пора привалила!

Чуть погода на противоположном берегу Светлужки тревожно заржала лошадь.

«Бубенчик, поди, ускакал к стогам, а мать беспокоится», — подумал Олег, на миг-другой переносясь в луга, где в эти дни была самая горячая сенокосная пора. И перед глазами на мгновение встал тонконогий чубарый Бубенчик.

Пришлось и Олегу вылезать из одуряюще духовитой чащобы. Отряхнув с головы белые пахучие звездочки, он прокрался, пригибаясь, к оврагу, заросшему глазастой ромашкой. По его-то покатоному дну, пугая перепелок, взлетавших и справа и слева, он и припустился бегом к речке.

Просторное небо снова было пустынным, скучно пустынным, уже слегка поблекшим к полдню. О случайной туче, невесть откуда накотившей четверть часа назад, ничто теперь не напоминало. Лишь на траве и цветах опаляюще горели и плавилась в отвесных жгучих лучах солнца тяжелые дождевики да с той, заречной, стороны сильнее тянуло отволглым сеном, еще не сметанным в стога. От хмельного, властного этого духа слегка кружилась голова.

Жаркие денечки круто подвалили неделю назад. Но в Светлужке все еще никто не купался. Не купались не потому, что вода в смирной речке была прохладноватой. В Светлужку в конце мая наполнило много гадюк — не то с гор, не то еще откуда-то. В сонливой реке они чувствовали себя полновластными хозяевами. Плавали, будто обуглившиеся хворостины, встреч течения, ныряли, охотясь за лягушками. А потом, свернувшись кольцами, грелись на знойных песчаных отмелях.

Попробуй сунься тут в воду! Самые отпетые сорвиголовы и те не решались заходить в речку. Лишь долговязый Олег не боялся змей. Он даже изучил их повадки. Стоило гадюке поймать лягушку, как парень хватал ее, неповоротливую в это время, железными своими пальцами, хватал у самой головы и душил с остервенением, кривя брезгливо губы.

Вот и сейчас, подбежав к Светлужке, Олег проворно сбросил с себя майку и линялые техасы, такие неудобные во время работы, и даже

труссы. Кого тут стесняться! Девчонки и женщины чуть ли не за километр обходят теперь речку.

Поводя ладонями по ходившей ходуном груди, Олег зорким глазом окинул всю подковообразную гладь, всю до самого противоположного берега как бы остекленевшую и недвижимую в ленивой истоме.

Не только вода в Светлужке, но и все вокруг овлачено изнывающей полуденной дремотой: и разбежавшиеся по лугу березки с нешелохнувшейся листвою, в солнечном сиянии кажущейся не сочно-зеленой, а блекло-синей, жарко-линялой, и старый мышастый мерин на дальнем бугре, печальный и одинокий, и черная точка над мреющим горизонтом — высматривающий себе добычу коршун.

Помешкав еще миг-другой, Олег вдруг подпрыгнул упруго и бултыхнулся вниз головой в прозрачную, чуть засиненную воду, показывая небу и солнцу белые свои ягодицы.

С полчаса плавал и нырял он в свое удовольствие. Вынырнул раз, а рядом на волне покачивается змея: раскрыла пасть и шипит, поводя туда-сюда раздвоенным языком.

— У-у, ты мне, тварюга бессердечная! — фыркнул Олег и свечкой ушел вниз, погружаясь в мутно-травянистую ямину.

Выйдя на берег, он не спеша натянул трусы, глубоко вздохнул, развода в стороны мускулистые руки. Постоял, блаженно улыбаясь, а потом с маху опустил на осклизлый чурбак, вчера им же, Олегом, выброшенный на песок.

«Приоденусь вечерком и подамся с гитарой в Заречье, — подумал он, все так же блаженно улыбаясь. Вспомнил: ребята сказывали — по вечерам Лариска под ракушкой на откосе сумерничает. Не то скучает о ком-то, не то просто так... природой облагораживается. Тут Олег неожиданно для себя вздохнул. И опять подумал: — Прошел слушок, будто бы вокруг Лариски стал увиваться недавно появившийся на медпункте фельдшер. Смазливый такой усатик. А досужие свахи уж предрекают в скором времени свадьбу. Неужели в самом деле польстится Лариска на завлекательные усики этого коротконогого костоправа? Уж не об усатике ли она и скучает по вечерам?.. Слышь, на какие-то курсы укатил в город фельдшер. Мне это сейчас на руку. В сумерках затопаю в Заречье».

У огородов кто-то нараспев протянул:

— А-але-эг! Ме-эзведь ди-ка-ай!

«Сонька!» — весело хмыкнул Олег, прислушиваясь. Скажите на милость, какому парню не приятно, что в него безумно влюбилась молодая замужня женщина? Ну, какому?

Из-за кустов тальника — редких и чахлах, окаймлявших прибрежную песчаную полосу, — послышался снова дразняще-призывный голос:

— Иди а-абе-едать! А-абе-дать, Алег!

«Не ходить? — спросил он себя. — Выдержать форс?.. Да, ну его, этот форс! Лучше пойду полопаю. Я нынче натошак отправился на бахчи, а голод, говорят, и волка из леса гонит».

Подтащив к себе ногой валявшиеся напротив техасы, Олег с трудом напялил их на себя. Шел к огородам вразвалочку, перебросив через плечо майку и связанные за шнурки кеды.

Где-то высоко, очень высоко над головой штопором ввинчивался в режущую глаза опаляющую синь реактивный самолет. Самолета не было видно, но белая линия — его след — четко пробороздила небосвод.

«Эх и метеорит!» — позавидовал Олег летчику.

Девки и бабы лежали в тени шалаша, прикрыв платками и косынками головы. Между голопятой школьницей и солидной теткой Полей, даже на время отдыха не снявшей с ног резиновых бот, устроилась Лариса.

«Спит или притворяется?» — подумал Олег, воровато скользнув по Лариске быстрым взглядом. Она, как и другие, прикрыла лицо и шею косынкой, но Олег узнал ее сразу, едва глянул в сторону шалаша. Лариску он узнал бы даже среди ярмарочного многолюдства.

Бодрствовали лишь Сонька да щуплая глазастая тихоня Верочка — десятиклассница, дочка колхозного агронома.

Они сидели под накренившейся ивой, но не близко, а порознь друг от друга. Большое, печальное это дерево с засохшим суком ничто уже не радовало: ни наступившее тепло, ни живительные дожди, перепадавшие чуть ли не каждый день — так оно было старо. А жесткую, тусклую листву его, бросающую на землю жидковатую тень, могли расшевелить лишь порывы сильного ветра.

Приблизившись к иве — все так же лениво, вразвалочку, — Олег упал плашмя, точно подкошенный, на колкую траву, горячо освещенную солнцем, упал между Сонькой и Верочкой — на одинаковом от той и другой расстоянии.

Вытянувшись во все свои сто восемьдесят семь сантиметров, он раскинул руки, прикасаясь кончиками пальцев к босым ногам и молодой, но такой уж многоопытной женщины, и совсем не защищенной от житейских невзгод девчонки.

Верочка, конечно, сразу взорвалась: захлопнув пухлую, растрепанную книгу, она корешком огрела Олега по руке. И тотчас пересела на другое место.

Недели две назад, скажем, когда Олег впервые появился в этом «малиннике», Верочка ни в коем случае не решилась бы на такой дерзкий поступок. Но за это время она попривыкла к людям и знала, что прилипчивому Олегу и не так еще достаётся от девчонок.

Сонька же и не помышляла отводить свою крепкую, молочной белизны ступню с голубеющими жилками от Олеговых пальцев. Она вся-то вся так и просияла от удовольствия.

— Мы, кажись, в святые постники собираемся записываться? — с ласковой насмешливостью спросила Сонька, глядя на мокрую Олегову голову, такую сейчас черную.

— Я! Да в святые? С какой это стати? — хмуро пробурчал Олег. И, помолчав, добавил с подковырочкой: — А ты что, в секретарши небесной канцелярии поступила?

Весело хихикнув, Сонька достала откуда-то из-за спины бутылку простокваши и какие-то кульки и кулечки.

— Лопай, на, не привередничай! Тетка Поля наказала: «Последи, Сонь, чтобы все умял! А то один петух на всю бригаду завелся, да и тот какой-то заморенный!»

И Сонька, вредная, опять хихикнула.

Олег покосился на Верочку. Но тихоня эта уже снова уткнулась в свою «библию». Тогда Олег принял остороженько шуршать бумагой, развертывая то один, то другой кулек. Сердобольные бабы и девки насовали сюда всего понемногу: вот пара матово-желтых яичек и ломоть розового сала, а вот творожные ватрушки, пахнущие кислинкой, и кусище пирога с зеленым луком.

«Ниче-эго, жить можно на белом свете!» — уминая за обе щеки сочный пирог, размышлял Олег, дивясь милостивой доброте к нему слабого пола.

Не странно ли? Какие только шуточки не вытворял порой этот верзилище над актушинскими девицами! А они посерчают, погневаются малость и все ему простят. И ни одна не откажется пойти с парнем в клуб на танцы, стоит ему лишь поманить пальцем. Ей-ей, отходчивы сердцем здешние девчонки!

— Ты ноне тоже куда-нибудь закатиться зоревать? Али пораньше вернешься на свою дачную верхотуру? — спросила Сонька вполголоса, чуть наклоняясь к Олегу, когда он, как бы играючи, расправившись безо всякого затруднения с даровым угощением, допивал из бутылки осекнувшуюся водой простоквашу, запрокинув назад голову. По жилистой короткой шее его ходил челноком острый кадык.

— А с чего ты взяла, будто я зоревал? — вопросом на вопрос ответил Олег, вытирая ребром руки мокрые, такие жадные до сладких поцелуев губы. Поглядел на пустую бутылку, вздохнул.

И прилег на траву, уткнувшись лицом в сложенные крест-накрест руки.

Не везет ему в этом году.

Зимой, едва успел окончить в Брусянах, районном городке, курсы трактористов, как сразу же на пятнадцать суток угодил в кутузку. Кому ни расскажи, никто не поверит!

Накануне отъезда домой в Актуши отправился Олег навестить приятеля. Шагал в приподнятом настроении, игривый мотивчик из модного кинофильма насвистывая, совсем не чуя нависшей над его головой беды.

А беда поджидала Олега неподалеку от той улицы, где жил приятель — тоже выпускник курсов.

Выйдя из тесного проулка на сине-белую сугробистую площадь, он чуть ли не носом к носу столкнулся с конопатым пацаном в полушубке нараспашку. Хилый с виду мальчишка с непонятным нормальному человеку ожесточением бил палкой лохматую кошку. Кошка не могла сбежать от мучителя — тот привязал ее за облезлый хвост веревкой к телеграфному столбу.

Возмущенный Олег. Подбежал к сопливому балбесу, вырвал из его руку палку.

— Она тебе помешала? Помешала, спрашиваю?

А тот даже не испугался.

— Ничейная кошка! Чего привязался? — И, сверкая нахальными глазами, настойчиво потребовал: — Отдай мою палку!

— Я тебе отдам! — пригрозил Олег. И для остротки замахнулся увесистой дубиной. — Пшел вон, обезьяныш!

И в тот же миг кто-то сзади рванул Олега за руку, а потом сбил его с ног. Когда же Олег, преодолевая боль, поднялся из сугроба, перед ним стоял здоровенный мордастый детина в косоворотке без пояса.

— За что? — поинтересовался Олег, пальцами соскребая со щеки красную снежную кашичку.

— Ученым будешь! Попробуй в другой раз моего сынка только пальцем тронуть! — ответил детина с завидным хладнокровием.

— Живодер он... твой сукин сын! — сплюнул Олег, собираясь идти своей дорогой.

Но отец мальчишки еще раз звезданул Олега по скуле. Тут уж Олег не стерпел и тоже ударил мужика кулаком, норовясь попасть по спатке.

«Живодер», вероятно, уже привыкший к такого рода потасовкам, на всю площадь заголосил благим матом:

— Помогите! Папаню убивают!.. Караул!

И, как по команде, из ближайшего двора на истошный вопль пацана сбежались «свидетели»: раскосмаченная бабенка с подбитым глазом и двое прыщеватых парней.

Спустя полчаса свидетели дружно, без единой запиночки, давали показания в отделении милиции.

С Олега стороны свидетелей не имелось. А так как в милиции он вел себя строптиво и непокорно, возмущенный до глубины души всей этой комедией, то и вынужден был «по независящим от него причинам» на пятнадцать суток отсрочить свой отъезд в родные Актуши.

Шли месяцы. Односельчане все реже и реже посмеивались над неудачливым «указником». В Олегову невинность никто из них, между прочим, не верил.

Пастух Мокей, острый на язык горбун, послушав как-то раз горестную Олегову историю о его незадачливом заступничестве за бездомную кошку, ядовито протянул, цедя между пальцами свою жидкую, сосулькой, бороденку:

— Эх, и ба-аламут же ты, парень! Право слово, баламут!

Так с тех пор и приклеилась к Олегу прочно эта обидная кличка.

На весеннем севе молодой тракторист работал старательно. И, подводя итоги сева на общеколхозном собрании, председатель назвал Олега Плугарева передовиком, «отрядным кадром подрастающей смены».

А над этим самым «кадром», над разнесчастной Олеговой головешкой уже нависала новая беда.

Раз как-то поздним майским вечером возвращался Олег на своем ЧТЗ с нефтебазы из Подгорной, волоча на прицепе фургон с бочками горючего. В Подгорной, ровно на грех, встретил он Кольку Балалайкина, однокашника по курсам. Ну, и раздавили дружки на двоих «пузырек».

В ночь перед поездкой на нефтебазу Олегу не пришлось и часу соснуть. А тут еще эта выпивка натошак, без закуски... И развезло парня в дороге!

Чтобы не задремать за рулем, Олег горланил песни. Горланил, какие на ум приходили: и веселые, и грустные, и даже тюремные.

«Главное, Плугарев, не моги клевать носом! — поучал себя Олег.

Ни минуточки не моги! Аховые у нас тут дороги. Ежели в овраг сьерахится сам дьявол, и он, шельма, скоро не вылезет!»

Перед самым селом Олега все-таки сморил сон. И случилось то, чего он больше всего боялся: никем не управляемый трактор заехал в овраг. А тяжелый фургон, сорвавшись с прицепа, перевернулся. Одна бочка с соляркой ухнула в болото, и ее потом еле вытащили из трясины...

Над ухом увивался, надоедливо гудя, шмель. Он-то и помог Олегу избавиться от неприятных, чего греха таить, воспоминаний.

«Таким путем и попал я, в наказание потомкам, в бесштанную эту бригаду! — вздохнул Олег. Приподняв чуть голову, он махнул нехотя рукой, отгоняя от себя полосатого взъерошенного шмеля. — Уж иные каркать принялись: «Пропавший тип! Ничего-то путного из этой ходячей каланчи не получится!»

Еще раз затаенно вздохнув, Олег сорвал травинку. Повертел-повертел тонкий стебелек между пальцами и назло Соньке, делая вид, будто он не замечает ее откровенных взглядов, пощекотал Верочку голую лодыжку.

Дернув ногой, Верочка оторвала взгляд от своей книжицы и строго-престрого посмотрела на Олега. А потом сказала, пожимая острыми плечиками:

— Удивляюсь!

— Чему же, малинка, ты удивляешься? — спросил Олег обольстительно-ласково.

— Такой взрослый человек, и такой... — Верочка замялась, густо пуңцовея.

— И такой глупый, да? — подсказал охотно Олег, с той же ласковостью заглядывая девочке в глаза — совершенно белые от гнева.

— Отвяжись! Ну, чего липнешь к дитю? — вступилась за Верочку Сонька.

Все так же посмеиваясь добродушно, Олег вдруг с кошачьей проворностью выхватил из Верочкиных рук ее затрепанную «библию».

— А я-то думал... Ну, ну! Ну, и физики и лирики! — захохотал что есть мочи Олег, увертываясь от Верочки, кинувшейся на выручку своей книги. — Романчиком о героях в серых шинелях зачитывается наша детка!

Помучив малость девочку, он вернул ей вконец растрепанную книжищу. И с подковыркой сказал надувшей губы Соньке:

— Смотри в оба, Сонь! Как бы Верунчик не втрескалась в твоего бравого орла... Глядишь, отобьет муженька! Не зря она книжками о милиции...

— Дурак! — выпалила, всхлипывая, Верочка. — Дурак ты дураком, баламут, и мозги наружу!

Выпалила и побежала к речке: косоплечая, тонконогая, жалкая какая-то.

Покосившись на шалаш, Сонька предостерегающе прошипела:

— И не совестно, непутевый? Девчонку до слез довел и радуешься? А ежели она тетке Поле пожалуется? Вытурят тебя и отсюда!

— Па-адумаешь! — процедил сквозь зубы Олег. — Оч-чень вы мне все нужны! Захочу...

Олег приготовился было бросить в лицо Соньке еще какие-то хлесткие, обжигающе обидные слова, но тут он заметил бригадиршу. И осеся, смолчал. Только губы его зло задрожали.

Могучая, дородная бригадирша, стоя спиной к старой иве, с трудом расчесывала гребенкой тяжелую свою косу, волнисто, словно лен, ниспадавшую до самого крестца.

— Приходи к нашей бане... как стемнеет! — уже совсем другим голосом прошептала Сонька, обдавая Олега жарким сиянием греховных своих глаз. И легко, ровно бесенок, вскочила на ноги.

— Много снов видели, Пелагея Сидоровна? — запела она журчаще, направляясь к бригадирше порхающей походкой. — А мы все разговорами занимались... Текущие мировые события обсуждали. И все такое прочее.

Олег остановился у зеркала. На него внимательно смотрел молодой человек в белой, старательно отутюженной сорочке с закатанными выше локтя рукавами, в модных черных брюках, тоже без единой морщинки, и черных узконосых полуботинках на тонкой кожаной подошве.

«Хорош наш барбос? Еще гитару с алым бантом через плечо, и готов молодец к атаке! Один лишь маленький пунктик под сомнением: приглянется ли этот молодец Лариске? Морда, прямо скажем, подкачала!.. Не серьезная она у меня какая-то. И поэтичности ни на грош: круглая, что тебе колесо тележное, а нос так и совсем никакой критики не выдерживает! Картошка картошкой! Д-да, физиономия без намека на поэтичность души. Одна карикатурная насмешка! А тут еще, придурок, подстригся». Эх, и волосы были! Кучерявые, белесовато-дымчатые. Столько расчесок поломал о дремучие эти кудри!

Олег тряхнул головой. Дернуло ж Леньку Шиткова слух распустить, будто в военкомате набирают ребят в училища. Спорол Олег горячку — оболванился, а военком и слушать их, горячих, не захотел: «Езжайте по домам, нечего зря баклуши бить! Надо будет — призовем!»

Олег больно дернул себя за жиденский вихор и отвернулся от зеркала. Вдруг чуть ли не со страхом подумал: «Уж не вторгился ли я по уши в Лариску... как в меня Сонька? Если не в шутку это у меня... что тогда со мной будет?»

В сенях кто-то громыхнул дверной щеколдой.

«Мать с фермы? — загадал Олег, напряженно прислушиваясь. — Схватить гитару и — в окно? А то опять заведет лекцию на моральные темы».

Свежий вечерний воздух колебал тюлевую штору, как бы дразня Олега: «А ну, чего тянешь? Окно распахнуто настезь, прыгай — и был таков!»

Но тут в сенях зазвенел, падая с лавки, железный ковш, и у Олега отлегло от сердца: посторонний кто-то.

Он вышел из горницы в заднюю половину, щелкнул выключателем. И с нескрываемой досадой крикнул, глядя в черный проем двери:

— Кого там несет?

Из темноты сеней — густой и мягкой — скрипуче проворчали:

— Разве эдак положено гостей встречать?

На пороге появился сгорбленный мужчина в сдвинутой набекрень соломенной шляпе, прикрываясь ладонью от резкого белого света стосвечевой лампочки, свисающей с потолка золотой грушей.

— Богато живут люди! Надо ж такие пузыри вешать! — теперь уж

весело зачистил вошедший, обнажая крупную голову с апостольской лысиной.— Вечер добрый!

— Здравствуй! — помедлив, неохотно уронил Олег. А про себя подумал: «И каким ветром занесло сюда вредного черта Волобуева? Что ему еще от меня надо?»

После той, позорной для Олега, истории в конце мая не кто-нибудь другой, а вот он, Волобуев, бригадир второй полеводческой бригады, с пенной у рта требовал от председателя не только отстранения тракториста Плугарева от работы, но и незамедлительной отдачи его под суд. И вот сейчас, бесстыжая рожа, вваливается в чужой дом, как в свой собственный!

Пока Олег кипел, чертыхаясь в душе, костлявый, жилистый Волобуев не спеша повесил на крючок у двери почерневшую от пыли и дождей шляпу, которую он носил по меньшей мере целое десятилетие. И, так же не спеша, приглаживая ладонями свалывшиеся ключья осивевших волос на висках и затылке, бодро продолжал:

— Гостей, молодой хозяин, надлежит в красный угол сажать! Не зря же наша волжская сторонushка с древних времен хлебосольством славилась! На всю матушку Расею славилась!

— Проходите и садитесь. Разве я вам запрещаю? — сказал Олег как можно вежливее.— Вы, наверно, к матери? Но она еще не вернулась с фермы.

Волобуев озорновато засмеялся:

— Не-эт, голубь, я не к матушке. Я персонально к твоей личности пожаловал. Во-от как!

«Этого не хватало! — пронеслось в голове у Олега.— Мне уходить подоспела пора... и долго облезлый чертяка собирается гостевать?»

Все еще не сходя с места, он посмотрел в мутновато-льдистые глаза Волобуева с редкими белесыми ресницами, пытаюсь угадать: под градусом бригадир или нет. Волобуев был человеком особенным: он всегда казался «под мухой», даже если день-другой и не выпивал.

Тем временем Волобуев прошел к столу у окна. Распахнув висевший мешком на его жидких плечах пиджак — той же неистребимой прочности, что и соломенная шляпа,— он солидно расположился на стуле, положив перед собой недавно початую пачку «Беломора».

— Приземляйся! — кивком головы пригласил Волобуев Олега.— Потолкуем, как бывалые знакомые. Догадываюсь, зуб на меня имеешь, Плугарев. Но ты парень башковитый и должен уразуметь: не мог я по-другому. И ты на моем должностном положении, да, и ты, как правильной линии человек, тоже бы потребовал: отстранить от трактора Волобуева. И точка! А впрочем, не будем беречь старую болячку... Вперед и нас с тобой предстоит ответственный разговор.

Вытянув из надорванного края пачки беломорину, гость подвинул папиросы Олегу, неохотно присевшему на край табурета по ту сторону стола:

— Кури!

— Не балуюсь больше.

— Н-но? — удивился Волобуев и выпустил из ноздрей едучую струйку дыма. — А мы с твоим батюшкой, бывало, жарили! Эх, и жарили! Самосад, едрит его дышло!.. Как он, пишет тебе, голубь? Отец-то? Слушок тут прокатился: к себе в город вроде бы тебя приглашает. А?

— А чего я там не видел? — колюче спросил, в свою очередь, Олег. — Чахлую траву в придачу с тополями-калеками... у которых, как у человека, и головы и руки поотрубали? Или порошокое молоко в пакетиках?

Волобуев хлопнул по колену рукой.

— Вот тебе и здрасте! Столько помешалось на легкой городской жизни, а он: «чего я там не видел!»

Апостольская лысина, продолговатое, в крупных рябинах лицо Волобуева с расплющенным носом так и замаслились, словно на голову гостя опрокинули ушат пахтанья.

— Батюшка твой, голубь... помыслить даже страховито: вознесся же человек! И уж он, государственный муж областного масштаба, и сыночка бы к тепленькому местечку пристроил... Ты уж мне не перечь! У него, Антона-то Ильича, лица шибко ответственного, в голове ума палата!

Скрипнул под Олегом табурет.

— Так уж и палата? По-вашему, получается: ежели человек «вознесся» на высокий пост, ежели он...

Волобуев замахал длинными руками:

— Перестань! Грешно, голубь, про отца родного зряшное говорить! Понимаю: мало приглядна эта жизненная трагедия, когда в семье начинаются нелады, и мужчина бросает...

— Неправда! — чуть ли не вскрикнул, багровея, Олег. — Враки все это. Не он мою мать бросил, а она сама! Сама она ушла!..

Снова замахал руками гость.

— Замнем! Не нам с тобой решать эту скользкую промблему. Про твоего батюшку я заикнулся промежду прочим... думал, тебе приятственно будет.

И тут Олег увидел на столе поллитровку московской. Содержимое бутылки лучилось ослепительными искрами. Ну и бес этот Волобуев, ну и коварный искунитель! Когда только успел водрузить бутылку на стол?

А «бес-искунитель», потирая азартно руки, ровно пробыл он невесте сколько часов на трескучем морозе, примирительно говорил:

— Обмоем-ка, Плугарев, твое возвращение на прежнюю работу. С завтрашнего дня сядешь прочно на ЧТЗ Юркова... Уломал-таки председателя! Не буду вдаваться в подробности... чего стоило мне решение данной промблемы.

Побледнел Олег. А чтобы унять мелкую — препротивную — дрожь в руках, спрятал их под стол. Не сразу и нашелся что сказать:

— На трактор Юркова? А куда же сам Митюха?

Взяв со стола поллитровку, Волобуев встряхнул ее. Встряхнул раз, потом другой и, подняв до уровня глаз, вприщур посмотрел на свет.

— Куда Юрков-то? А он повестку получил. В военные лагеря на три месяца отправляется, — небрежно процедил сквозь зубы Волобуев, все еще алчно любуясь легкими, светлыми пузырьками, стремительно, игриво поднимавшимися со дна бутылки вверх к горловине.

— Странно... вчера ручкался с Митюхой, и он ни словечка о лагерях, — с прежней растерянностью протянул Олег. Он верил и не верил свалившейся на него радости — такой внезапной, такой невероятной!

Опять потирая руки, Волобуев уже приказывал:

— Мечи, хозяин, на стол калачи! Для меня, замечу, луковка и черный хлеб с солью... не знаю шикарней закуси!

Пока Олег, скрывшись за перегородкой, возился на кухне, Волобуев не спеша пускал к потолку волнистые колечки дыма — одно гуще другого.

Очнулся гость от каких-то своих приятных мыслей лишь в тот миг, когда Олег поставил перед ним граненый стакан.

— А себе? Себя чего стаканом обижаешь?

— Не буду я.

Глаза у Волобуева налились болотной мутью.

— Хватит тебе баламутить: «не курю да не пью»! — раздраженно сказал он. — Ты что, в святые записался?

Второй раз в этот день слышал Олег словечки на счет его святости. И он вскипел. Но сверлящий взгляд Волобуева выдержал с видимым спокойствием.

— Если вы не темните... если мне и вправду поутру за руль садиться, с какой же стати я буду пить? — говорил он минутой позже, двигая по столу тарелку с головастой селедкой и кое-как нарезанными кругляшами лука.

— Не желаешь? Не желаешь расплескать сию поллитровку за предстоящие свои успехи? — напирал, пыжась, Волобуев. — Брезгуешь бригадиром?

Олег отнял от тарелки руку. Сжал ее за спиной в кулак. Сжал с такой злостью, что ногти врезались в ладонь.

Гость встал.

— Вижу, не зря за тебя горой стоял перед начальством. Теперь слушай команду: в четыре ноль-ноль быть, как ракета, на бригадном дворе. С утра залог начнешь поднимать у Красного яра. Ясно?

— Ясно, — кивнул Олег. И снова подивился: когда успел Волобуев прибрать к рукам поллитрочку московской? Ведь всего секунду назад стояла она рядом с горушкой хлеба на столе!

Вдруг Волобуев указал на стену:

— Откуда у вас взялся лихой этот дед?.. Здорово же, стервуга, на балалайке наяривает!

И пристально посмотрел на висевшую в простенке картину в узкой черной рамочке.

— Репродукция с картины Судакова П. Ф., лауреата Государственной премии, — сказал Олег. — Называется «Партизан на отдыхе». Получил в награду за успешное окончание курсов. На обороте есть надпись, заверенная директором. Пришлепнута и печать. Показать?

Бригадир махнул рукой:

— Не надо!

Прикрыв шляпой свою апостольскую лысину, Волобуев еще раз бросил косой взгляд на бравого седобородого старика в белой косоворотке и сдвинутой набок мерлушковой шапке с алой лентой, рьяно наигрывающего на легкой балалаечке. И шагнул в сени.

Олег даже не пошел провожать гостя. В душе осела какая-то мутниночка, она-то и мешала ему полной мерой возрадоваться намечавшемуся повороту в его жизни.

Он не помнил, как потянулся и взял журнал с невысокой тумбочки, стоящей в переднем углу. И, не взглянув даже на его обложку, принялся листать — так просто, чтобы успокоиться, прийти в себя.

«Надо спросить Лизу, сколько она, усидчивая, проглотила разных книг за младую свою жизнь, — шутливо подумал Олег. И все листал и листал увесистый журнал, принесенный этими днями Лизой, двоюродной сестрой, студенткой Самарского пединститута. — Такая девка дока... не иначе к старости в профессорши выкарабкается! Хотя уж и сейчас этих профессоров развелось больше, чем мужиков в поле!»

«Молодые о себе, — прочел Олег на одной из страниц. — Поколение ИКС. Интервью и письма английских тинэйджеров... Ну, и словечко! — подивился он и посмотрел на сноску. — «Так называют в Англии подростков и молодых людей в возрасте между 13 и 20 годами». — Олег поднял голову. — А у нас как... как нашего брата называют? Шалопаями? Сосунками?.. Это так старички разные брюзжат. А ежели ты парень с мозгами, и руки у тебя до дела жадные... тогда, конечно, хвалят. Случается, и без меры захваливают... ровно ты чудо какое-то сотворил. Давай посмотрим, что же английские парни о себе говорят».

Некий Тревор Спэнсуик, 19 лет, из какого-то Мидлсбро писал:

«Скоро мне придется поехать на юг работать на стройучастке. Мне совсем не светит уезжать из дома, да и моя девушка от этого тоже, конечно, не в восторге. Но за четыре года я рассчитываю кое-что подзаработать и тогда вернусь и женюсь на ней».

Одобрительно хмыкнув, Олег перевернул страницу. Взгляд его зацепился за такие строчки:

«Я понимаю, отчего многие тинэйджеры сбиваются с пути. Они думают, что живут на краю водородной катастрофы, и хотят насладиться жизнью, пока не поздно. Я думаю, им не мешало бы более трезво взглянуть на вещи. Но многие из них не способны на это, потому что считают, будто весь мир пошел прахом».

Эти слова принадлежат Дэвиду Макмиллану, 17 лет, из Гуллы, Йоркшир. Олег перевернул еще несколько страниц и познакомился с мыслями Джона Майлза, 21 года, из Уэльса, студента Эдинбургского университета:

«Меня интересует строительство. Тут по крайней мере сразу увидишь результат своего труда, а не копаешься в мире ничтожно малых величин, как химики или математики. Я люблю видеть то, что делаю, и стараюсь, чтобы от моей работы никому вреда не было».

«Тоже башковитый парень!» — Олег прищелкнул языком. Надо было бы сесть на табурет, а журналы положить на стол, но он как-то не догадывался это сделать. Вскоре он наткнулся на высказывания неизвестного юноши, не пожелавшего себя назвать, вероятно, безработного (в пространном своем письме он упоминал о людской толкучке в прокуренных комнатах биржи труда: «Во всем мире нет более неудобного места, чем биржа труда в понедельник утром»). Парень с раздражением писал:

«С одной стороны нас уламывают купить сигареты такой-то марки, с другой — тот же самый идиотский ящик, телевизор, лопающиеся от пропаганды листки, именуемые газетами, обрушивают на нас кампанию по борьбе с раком легких».

Да и кто станет тревожиться о раке легких, который еще то ли будет, то ли нет, когда наши правители обеспечили нам атомную войну почти со стопроцентной гарантией? А с этой войной не справится, пожалуй, даже наша добрая старушка Гражданская оборона. Ей даже не удастся собрать образчики радиоактивной пыли, чтобы продемонстрировать их на очередной всемирной выставке, потому что не останется такого мира, где можно было бы говорить о выставках».

«Псих! — подумал сердито Олег, захлопывая журнал. — Видно, права Сонька, которая от всего отмахивается: начнешь думать всерьез, говорит, пожалуй, и поседеешь раньше срока. А то и свихнешься».

Олег все еще топтался у неубранного стола, когда в дверях появилась мать — высокая, чернобровая женщина с девичьим румянцем во всю щеку.

— У тебя не правление тут заседало? — спросила она негромко, медленно стягивая большой сноровисто-мужской рукой белый платок с головы.

Лишь рука эта, неторопливо, как бы с лентой, стягивающая с головы тугий платок, она лишь и выдавала мать. На рассвете ушла

мать из дому, а вернулась вот в забродивших лиловой гущиной сумерках — таких поздних в июне.

— Окно открой, дитяtko мое недогадливое! — сказала мать, махая перед лицом скомканным платком.

«А ведь руки у меня ее... матери», — подумал, просяив душой, Олег и, перегнувшись через стол, вначале раздвинул ситцевые полушторки с кумачовыми розами, а уж потом кулачищем толкнул в задрезавшие створки.

На свет залетел шалый комарик.

— Ты почему нынче так поздно? — спросил Олег, прихлопнув ладонью комара. — Время-то уж много?

— За десять перевалило, — ответила, щурясь, мать. — С утра две доярки не вышли...

— А ты отдувайся за всех? Да? — Олег подошел к матери. Вихрастым мальчишкой он всегда находил утешение у матери, как бы жестоко ни обидели его на улице. Ткнувшись, бывало, опухшим от слез лицом в ее колени, он всхлипывал все тише и тише, обретая щемяще-сладостное, ни с чем не сравнимое успокоение. Это она, мать, открыла ему глаза и на красу тихой Светлужки, и на веселую приветливость березовых колков, и доброту привязчивых к человеку коровушек-буренушек, и задушевность протяжных волжских песен. А отец... что он для Олега? Ветер в поле! Вот мать... а он ее так однажды обидел, когда она выпоролла поделом. И мало еще поролла, ведь он чуть дома не спалил. «Я тогда... даже грозился сбежать к отцу в город». — Тут Олег поднял голову и, глядя матери в глаза, — серые, с прожелтью, чуть не сказал: «Какая ты у меня красивая!» Сказал же он с напускной ворчливостью другое, беря из рук матери платок:

— Для всех ты добрая, а себя... когда себя беречь будешь?

— Себя? Ты что же, сынок, в старухи меня определил? — Мать засмеялась. Засмеялась, правда, не весело, как обычно, а чуть устало и чуть грустно. — Ужинал?.. А зачем этот мизгирь наведывался?

— А ты откуда знаешь?

— Видела. Видела, как из калитки вором прошмыгнул... Мы с Клавой у ее двора стояли.

Не без гордости Олег сказал:

— На трактор завтра сажусь. Без Плугарева им туго пришлось.

— Ну-тко! — насмешливо протянула мать. — Ради этого ты женихом и разрядился на ночь глядя?.. Платок-то к чему жгутом скрутил? Оставь его в покое.

— В клуб собирался, а тут лезет в дверь Волобуев, — соврал Олег. И подумал с досадой: «Эх, не удалось мне нынче серенаду Лариске пропеть».

— Ну, раз сорвался культпоход, разоблачайся. И — спать.

Повесив материн платок на спинку стула, Олег пошел в горницу «разоблачаться». На ходу бросил через плечо:

— Разбуди меня пораньше, мам. Как сама встанешь.

III

Проворно поднявшись по легкой, пружинившейся лестнице до дверцы сеновала, Олег не полез в темный проем, дышащий духовитым теплом сухого, третьегоднего сена, а посидел какое-то время на порожке, отмахиваясь от нахальной комариной гвардии.

Коровник стоял в конце огорода; теперь, без коровы, совсем никому не нужный, Олегу он дорог был лишь из-за сеновала. С мальчишеских лет, едва наступал май, он перебирался спать на сеновал. Сгоняли его отсюда белые мухи.

Коротка и светла июньская ночь. Не зря старики про нее говорят: стерегут июньскую ночку две зорьки да три птахи: коростель, соловушко и перепел. Едва успеет опуститься на землю чуткая, негустая темнота, как небо начинает уж сереть и сереть, а от реки поползет неторопливо туманная наволочь.

Внизу, у подножия лестницы, курчалась седая от росы картофельная ботва. Ближе к плетню жались низкорослые яблоньки. Из-за яблонь расплывчатым пятном белела крыша соседского сарая, по осени покрытого свежей соломой.

Пройдет час, от силы полтора, и на востоке, сейчас зеленовато-пепельном, ознобно продрогшем, начнут ворошить угли еще теплившегося за горизонтом костра, и над дальней рощицей малиновым соком нальется узкая полоска, и ночь переломится, покатится на убыль.

Олег посмотрел на бледную, точно облезлую от позолоты звездочку, одинокую, всеми покинутую, прислушался к чуть различимому говору гармошки, плутавшей где-то в заречном перелеске, и тут вдруг схватился рукой за плечо. Словно ночной жук с разлета ткнулся в плечо и, отскочив, шлепнулся на землю.

«Вот дурной, ослеп, что ли?» — качнул головой Олег.

А чуть погода о дверцу сеновала ткнулся комок глины. Комок рассыпался в прах, лишь острая крупинка уколола Олега в щеку.

«Э, да это кто-то кидается! Неужели... Сонька притопала?» — подумал он и стал спускаться с лестницы.

Слегка горбясь, чтобы не поломать яблоневых веток, Олег неслышно побежал по отсыревшей тропинке к покосившемуся плетню, отделяющему участок от приречной полосы, заросшей непролазным ежевичником. И только остановился у низкого плетня, как из-за осанистой рябины, высившейся по ту стороны ограды, кто-то шепотом позвал:

— Олег... ну, иди сюда!

Дробно застучало сердце. Она, Сонька! Осторожно перелез Олег через шаткий плетешок и, озираясь по сторонам, в два прыжка очутился у рябины.

— Я тебя ждала, ждала, — с упреком прошептала Сонька, хватая Олега за руку, точно боясь, как бы он не сбежал. — Такой выпал удачливый вечер, а ты...

— Ты ноне отгул у муженька получила? — насмешливо спросил Олег.

— Умотался под вечер на своем трескучем драндулете в район. Только днем вернется. — Разгоряченная Сонька жадно прилипла к Олегу. — Ну, пойдём, родненький... Выпить хочешь?

— А у тебя есть?

— Ага. Самогоночки бутылка. Пойдем!

— Откуда зелье?

— Мой бдительный Вася у какого-то самогонщика из Вязовки реквизирует.

— Ну и дотошный же он у тебя! — в голосе Олега добродушная насмешливость. — Не пойду я, пожалуй... Завтра на зорьке вставать надо.

С нескрываемой подозрительностью глянула Сонька Олегу в глаза. Прошептала с придыханием:

— На зорьке? И зачем это?

— Дело одно есть, — уклончиво ответил Олег.

Неожиданно совсем близко — Соньке послышалось — по ту сторону рябины, кто-то неуклюже завозился, всхрапывая.

— Ой, кто это? — всполошилась Сонька, теснее прижимаясь к Олегу.

— Уймись, дуреха, — успокоил Олег. — Витючень то... под застрехой они у нас на сеновале живут.

И тут они оба явственно расслышали глухие, дикие стоны.

— Эх, и шальной! Ночь глухая, а он разворковался. — Олег поцеловал Соньку в полыхающую щеку. Под этой густолистой рябиной было даже уютно, точно в большом шатре. — Перестань дрожать, не маленькая, чай!

Внезапно Сонька плюхнулась на тяжелую от росы траву, увлекая за собой и Олега...

Так же неслышно, озираясь вокруг, перелезал Олег через плетень, так же пригибаясь к земле, бежал он к лесенке на сеновал.

А устало развалившись на войлочной кошке, долго глядел вверх.

В щелку между старыми разошедшимися досками крыши на сеновал заглядывала любопытная звездочка: может та, которую он видел, когда сидел на порожке в дверном проеме? Или другая? Янтарно-прозрачная, зрелая, она озорно, дерзко подмигивала, куда-то звала.

Тихо вокруг. Предутренняя дремотная стынь властно усыпила землю. Лишь изредка ее нарушала своим коротким мыканьем соседская телочка. И снова ни звука.

Некоторое время Олег еще думал о неожиданном вечернем приходе бригадира Волобуева, о завтрашней пахоте: на машине Юркова он уж маху не даст! Пусть все узнают — не пропащий Плугарев человек! Думал Олег и о матери, такой еще молодой и такой несчастной. Повздыхал, вспоминая свои сборы на несостоявшееся свидание с Лариской.

«Пора, бесшабашная головушка, кончать баловство это! До путного не доведет тебя ворованная любовь».

Олегу вспомнилось, как он уже не раз пытался развязаться с бедовой, навязчивой Сонькой, но из всего этого так ничего и не вышло...

Стали липнуть веки, все труднее и труднее приходилось их раздирать. И вместо одной любопытной звезды в щелку над головой где заглядывали сразу три.

Он не знал — на яву ли, иль во сне вдруг защелкал отчетливо соловей. А вслед за этим звонким щелканьем над сараем пронесся страшный вопль: «У-у... ух, ты-ы!» Но ледящего душу вопля возвращавшегося с разбойничьего промысла старого филина Олег совсем уже не слышал.

IV

Новое утро пришло без солнышка — не в меру задумчивое, не в меру грустное. Не славили это утро птицы, как будто они все вымерли. Даже ветер, перепутав на лугу не скошенную еще траву — где поваяв ее волнами, где скрутив в жгуты, а где просто взъерошив, притих перед рассветом, заснул. И уж не шелохнется ни одна травинка, ни одна кашка не качнет своей пахучей головкой, ни один колоколец поднебесной голубизны не вздрогнет и не рассыплет по земле звонкую трель. Рыба — и та не играла, не ухалась в окутанной туманом Светлужке.

«Дождь, что ли, собирается? — подумал Олег, вытирая паклей вымазанные в солидоле пальцы. — Лучше пусть повременит, не портит мне настроение».

И он поглядел на небо — низкое, отволглое какое-то, из конца в конец словно бы обрызганное парным молоком.

В это время и подошел к Олегу Волобуев. Не здороваясь, не подавая руки, пробубнил, прикрывая рукой рот, из которого несло свишным перерагом:

— Прицепляй плуг и в село тарахти. К усадьбе деда Лукшина. Знаешь Лукшина?.. Обтяпаем одно дельце старому и подадимся пряником к Красному яру.

Деда Лукшина в Актусах знал и стар и млад. Тридцать лет трудился человек в колхозе. И даже сейчас, несмотря на свои шестьдесят, все еще не выпускал из рук топора.

— А чего у Петра Ильича стряслось? — спросил Олег, собираясь заводить трактор.

— Притарахтишь, узнаешь, — отмахнулся Волобуев, закуривая. Бригадир отводил в сторону свои заплывшие моргающие глазки, когда Олег смотрел ему в продырявленное рябинами лицо. — Мне вона Зорьку запрягают, я отчаливаю. Мы с предом вскорости тоже к Лукшину пожалуем. Так что поторапливайся!

И он затопал к стоявшей в стороне, на пригорке, конюшне. Эту конюшню, сказывали, построил в первые годы коллективизации Лукшин.

«Нашу избу тоже ставил Петр Ильич», — почему-то пришло в голову Олегу.

V

В селе горланили петухи. Они вначале будто стеснялись нарушить сонную тишь призадумавшегося утра, а потом не вытерпели и, перебивая друг друга, разорались вовсю.

Но Олег не слышал нестройного петушиного хора, уверенно ведя по главной улице Актушей красавец ЧТЗ. Он весь отдался другой музыке — веселому, сильному рокоту мощного мотора. И взирал на мир из своей кабины глазами счастливца.

Ленька Шитков, товарищ по восьмилетке, пыливший навстречу на голубом новеньком мопеде, окликнул Олега, намереваясь остановиться, но тот лишь помахал приветливо рукой.

«Недосуг! — говорил его взгляд. — Разве не видишь, какого коня взнуздад?»

Где-то в глубине души, не признаваясь, правда, себе, Олег завидовал удачливому другу, слесарившему в РТС. Посмотрите-ка на него, Леньку, и мопед себе уже приобрел, и шикарным кожаном обзавелся. Теперь Ленька вольная птица: опустятся сумерки, оседлает парень быстрый, как ветер, мопед и полетел, куда ему вздумается! Нет клуба на двадцать километров вокруг, где бы не побывал Ленька. Не зря к нему липнут девчонки. Такой оперативный кавалер ни одной не наскучит!

«Ну, да ладно, Плугарев, какой толк точить себе нервы? — подумал Олег и сплюнул в открытое оконце кабины. — Лето буду вкалывать, как дьявол, а осенью... Глядишь, осенью тоже заведу себе и мопед и кожаную куртку в придачу с водительскими перчатками. Непременно куплю такие перчатки, у которых краги чуть ли не до локтей!»

Переключая скорости, Олег чертыхнулся вслух. И уже зло принялся выговаривать себе: «Не это все главное, бесшабашная головушка! Учиться тебе надо. Ведь тебе тут век жить! Трактор, комбайн... всю передовую технику назубок должен знать... Осенью в солдаты идти, буду проситься в танковые войска. Другие ребята и

в армии учатся. А почему бы и мне... могу же и я в заочный техникум сельхозмеханизации поступить? Могу! Чем я хуже, скажем, Федьки Куприянова, который в Москву маханул... в академию имени Тимирязева? Или Пашку Емелина взять. Незаметным пацаненком в Актуршах рос, а сейчас — гляди-ка ты — в Сибири дорогу строит. Недавно про Пашку в «Комсомолке» писали».

С широкой улицы, миновав сельский Совет и правление колхоза, разместившиеся под одной крышей в кирпичном внушительном здании, Олег свернул в затихший переулочек.

Прогромыхав по заросшему просвириком проулку до следующего угла, Олег остановил трактор у избы деда Лукшина — такой приметной своими резными оконными карнизами и наличниками. В палисаднике, под окнами, у Петра Ильича паслись лиловые пухлые облачка.

«Эх, и сирень! А дух от нее — даже голова может закружиться!» — подивился Олег, выпрыгивая из кабины на землю. Он хотел было подойти к палисадничку и сорвать ветку сирени, но его окликнули:

— Малый, постой-ка!

Оглянулся Олег, а перед ним сам Лукшин — крепкий, широкий в костях старик с лешачьей гривой едва тронутых изморозью волос.

— Здравствуйте, Петр Ильич! — уважительно сказал Олег, миролюбиво улыбаясь. — Вот начальство прислало... чего тут у вас робить?

— А ты... мать твоя курица... ты не знаешь разве, зачем тебя прислали? — срывающимся до шепота голосом проговорил Лукшин, едва не задыхаясь от гнева.

Потрясая кулаками, он двинулся на очумелого Олега, все еще улыбающегося — теперь растерянно и глупо.

— Петр Ильич... да что с вами? — бормотал Олег, пятясь назад. — Меня Волобуев... говорит...

Старик харкнул Олегу под ноги, отвернулся. Заметив на крыльце стоявшего напротив пытистенника любопытную молодайку с полотенцем и миской в руках, он потерянно выдохнул:

— Самоуправство это... будь свидетельницей, Малаша!

— Нашли-таки душегубца, соседушко, — охотно запела та. — А Юрков-то... слышь, Юрков-то отказался. Наотрез отказался!

Вдруг она взмахнула полотенцем и скороговоркой добавила:

— Едут. Сам с бригадиром!

Все еще ничего не понимая, решительно ничего, Олег устремил свой взгляд вдоль проулка: в эту сторону махнула полотенцем молодайка.

К ним приближалась пегая, низкорослая Зорька, запряженная в дрожки. Не успел еще Волобуев остановить кобылку, как председатель колхоза — тучный, неуклюжий с виду мужчина, с завидным проворством спрыгнул с дрожек. И крупно зашагал

к гудевшему глухо трактору, словно бы не замечая стоявшего у него на дороге старика.

— Давай, Плугарев, начинай запашку огорода Лукшина, — сказал он жестко. — Загоняй трактор в этот прогал и сворачивай прямо...

Председателя перебил вынырнувший из соседнего двора молодой, забородевший парень в полосатой тельняшке:

— Не по закону действуешь, начальство!

Позади парня тесной кучкой сбились соседи. Олег даже не заметил, когда они здесь собрались — эти бабы и старухи с ребятишками.

— За что старика обижаешь? — опять сказал парень в тельняшке.

— Хватит базарить! — огрызнулся председатель. — Мы выполняем решение бригадного собрания. У Лукшина жена нестарая, а от работы отлынивает. Вот и постановили: отрезать половину приусадебного участка. Пусть на себя пеняют! И другим наука... Вам тоже на работе давно пора быть!

Старик Лукшин прижал к груди свои широкие трясущиеся руки.

— Да она же, Марина-то моя, в городе! — закричал он. — В городе она второй месяц! У дочки внучонка нянчит!

Отмахиваясь от старика, председатель приказал Олегу:

— Начинай!

Но Олег не сдвинулся с места. Тогда председатель, проколов его остро блеснувшим взглядом, засопел сердито и сам полез в кабину трактора.

Все молча смотрели, как яростно, утробно взревев, медленно стонулась с места тяжелая машина, как она вползла в прогал между домом Лукшина и стоявшей через дорогу убогой мазанкой. Неуклюже повернувшись грудью к ветхому, пьяно вихлявшему туда-сюда плетню, ограждающему огород старика, ЧТЗ на миг замер на месте.

— Волобуев, отпусти лемежа! — выкрикнул из кабины председатель.

Бригадир рысцой бросился к трактору, поправляя съехавшую на уху шляпу.

Сделав два круга, председатель остановил трактор.

— Иди, заканчивай, Плугарев! — зычно оранул он, перешагивая через поваленный плетень.

— Не буду я! — сказал, бледнея, Олег, скользнув взглядом по добротным глянцевице поблескивающим сапогам председателя с приставшими к головкам комками жирного чернозема. Под глазами у Олега проступили бисерины пота. — Как хотите, а я — наотрез!

— Садись тогда ты, Волобуев! — распорядился председатель и, ни на кого не глядя, направился к смирной Зорьке, безмятежно пощипывающей молодую травку.

Волобуев, проходя мимо Олега, прошипел:

— Я это попомню, баламут! Твоя промблема теперь решена: вовек не сидеть тебе за рулем!

Олег не разомкнул даже запекшихся губ. Он стоял сам не свой, боясь глянуть людям в глаза. Еще никогда Олег не чувствовал себя таким опустошенным, никому не нужным... Вдруг сознание его пронзила мысль: а ведь ему тут нечего больше делать! И он поплелся по проулку — сам не зная куда, спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу.

VI

Опустившись на опрокинутую вверх днищем лодку, уже прохшую от росы, Олег притомленно вздохнул. Все тело было разбито смертельной усталостью. Как будто суток двое не сходил он с трактора.

«Вовек теперь не сидеть тебе за рулем!» — сказал ему Волобуев.

— Так уж и вовек? — усомнился Олег, молвив эти слова вслух.

«А не искупаться ли мне?» — минутой позже подумал он. И не пошевелился.

Легкий туманец дымился сейчас лишь у противоположного травянистого берега, путаясь и застревая в камышинках. В камышах же изредка по-стариковски скрипел коростель.

По-прежнему было тихо, тепло, из лугов пряно пахло дождем — далеким и смирным. Казалось, Светлужка все еще никак не очнется от ночной дремы: у песчаного берега ни волны, ни всплеска.

Одних лишь неуемных стрижей не смущало это глухое предгрозовое утро. Стремительно, азартно носились они в погоне за мошкарой, едва не касаясь снулой воды острыми концами упругих крыльев.

Глядя пустыми глазами на серую, тусклую гладь, отливающую сининой, Олег машинально обципывал небольшую, с детский кулачок, корзиночку подсолнуха, неизвестно как попавшую ему в руки.

Отщипнет один солнечный лепесток и бросит. Отщипнет другой — и тоже бросит... Можно было подумать, что на холодном бесцветном песке у ног Олега кто-то нечаянно рассыпал апельсиновые дольки. Но Олег ничего не видел: ни этих легчайших лепестков, ни азартных стрижей, ни курчавого туманца, воровато жавшегося к противоположному берегу. Перед его глазами стоял разгневанным лешим старый Лукшин... Откуда Олегу было сейчас знать, что всякий раз, стоит ему лишь на минуту вспомнить нынешнее утро, утро его радужных, разбитых вдребезги надежд, как перед его взором непременно возникнет, точно живой, крепкий еще с виду, но такой беспомощный в своем горе старик...

Вёрхом, по-над самой кручей, не спеша шагали девчонки. Одна из них, востроглазая, заметив сидевшего на лодке Олега, бойко запела:

Ой, подруга милая,
Горело небо синее.
Горело небо, таяло,
Любовь страдать заставила.

И тотчас — едва она кончила — припевку подхватила другая:

Из-за лесу, из-за сосен
Поддувало холодком,
Не твою ли, милый, совесть,
Относило ветерком?

— Ладно разоряться-то! Что вы, баламута не признали? Поберегите голоса до вечера! — усмехнулась третья девчонка. — Жалко, нет у нас такого обычая... читала я в одной книге. В Атлантическом океане на островах каких-то — уж не помню на каких — жених перед венцом должен непременно простоять всю ноченьку напролет на одной ноге. Да вы не хохочите, это правда! Всю ночь жених должен простоять на одной ноге «на стене влюбленных». У самого что ни на есть обрыва над океаном. Одно неосторожное движение — и он, сердечный, вдребезги разобьется о подводные скалы.

— А помогает, Анютка, обычай-то этот? Невестам островным? — уже издали спросила со смехом одна из подруг. И, не дожидаясь ответа, запела отчаянно весело:

Брошу розу под березу,
Подберите кто-нибудь.
От меня милой уходит,
Я скажу: «Счастливый путь!»

Зря старались проказливые девчонки — не повернул Олег головы, не посмотрел им, шустрым, вслед. Он даже не сразу оглянулся, когда час спустя его позвали с кручи:

— Э-эй, Олег!.. Ты оглох, Плугарь?

Над обрывом маячил Ленька Шитков, ухватом расставив ноги. И все так же требовательно горланил, суматошно махая замасленным беришском:

— Оле-эг! Сюда... бузуй немедля сюда!

— А у тебя чего там? — с удручающим равнодушием спросил Олег, все еще не думая вставать.

— Давай, давай! — покрикивал Ленька. — Мне с тобой некогда почесухой заниматься!

До пологой, змеившейся в гору тропинки было не так уж далеко, но Олег предпочел карабкаться вверх по осыпающейся под ногами круче.

Ленька теперь молча наблюдал за упрямым парнем, отирая рукавом спецовки острое, шильцем, лицо — безбровое, по-детски розовеющее.

— Ты чего тут отираешься? Рыбу пугаешь? — спросил запыхавшийся Олег, вылезая на крутойр.

Усмехаясь, скверно так усмехаясь, Ленька съязвил, развязно хлопая Олега по плечу:

— Ишь, как упарился. Совсем, видно, обезножел конь от сладких Сонькиных объятий!

Олег, свирепея вдруг, схватил пошатнувшегося Леньку за полурасстегнутый ворот спецовки какого-то землистого цвета.

— Вякни у меня еще!

— Пусти, сатана!.. Уж и пошутить нельзя!

Едва Олег отпустил струхнувшего Леньку, как тот бросился заводить свой щеголеватый красавец мопед.

— Приземляйся, старик! — отходчиво сказал он, не оглядываясь. — В огородную бригаду махнем сейчас.

— Я там ничего не забыл, — буркнул Олег. — Ты меня только за этим и звал?

— Телефонограмму из района приняли: ураган с ливнем ожидается. — Ленька нажал ногой на гекстартер, и мопед его заурчал, содрогаясь. — Всех на сенокос... чтоб без промедления!

Но Олег уже не слушал Леньку. Рискуя свихнуть шею, он бросился с крутойра вниз, увлекая за собой лавины чистого сыпучего песка и комья сухой глины, похожие на золотые слитки.

К Светлужке — по-прежнему задумчиво тишайшей — он подбежал в одних трусах, держа в левой руке тугим узлом связанное бельишко.

«Я их всех опережу, всех, в два счета... и Леньку-задавалу на побегушках, и всю эту бабью бригаду», — с мальчишеским бахвальством подумал Олег, бросаясь в теплую воду.

И тут неожиданно вынырнуло из-за туч солнце — неяркое, расплывчатое, в дымке. Всего на миг вспыхнули несмело макушки деревьев на той стороне и тотчас снова потускнели. Но Олег ничего этого не видел. Он плыл и плыл на правом боку наперерез течению, держа в левой — вытянутой — руке узелок с бельем.

VII

Ему повезло: появился он на лугу в тот самый момент, когда кузнец дядя Кирилл только что принялся закладывать стог.

Без поджарого, невзрачного с виду кузнеца с большими, чуть ли не во всю спину лопатками, славившегося смекалистой головой и ухватистыми руками, не обходился ни один сенокос. Сметанные сухопарым

мужиком высоченные стога не боялись ни проливных дождей, ни ураганных ветров.

Вот к дяде Кириллу и бросился с ходу Олег:

— Подавальщики нужны?

Опуская к ногам вилы, тот не сразу повернул в сторону парня голову, обмотанную синей майкой, точно чалмой. На кирпично-бурым скуластом лице кузнеца с белесым задиристым вихром, вылезшим на лоб рогулькой из-под захватанной майки, не дрогнул ни один мускул.

Но Олегу достаточно было и ободряющего взгляда дяди Кирилла. Весело посвистывая, он побежал к жилому вагончику за вилами.

Снова показалось солнце, вырвавшись из плена облаков. Блекло-лиловатые, оранжево-перламутровые, недавно старательно скрывавшие от глаз восточную часть небосклона, облака эти вдруг стали расплзаться в разные стороны рваными лоскутами. И обжигающе-дымные лучи солнца в обнимку с налегевшим порывисто ветром — влажным и в то же время душным, пронеслись по лугам галопом, золотая и вороша валки подсохшего сена. А пугливые осинки ветер заставил поклониться земле. Застигнутую врасплох перепелку, вспорхнувшую с облепленного колючим татарником бугра, он безжалостно бросил под ноги Олегу.

Чубарый, стройный Бубенчик, танцевавший возле матки, исправно тащившей в паре с буланным мерином стрекочущую косилку, вдруг понесся стремглаз с жалобным ржанием в сторону леска.

— Бубенчик, Бубенчик... эо сучье вымя! — заорал ездовой, приподнимая с пружинистого сиденья косилки пухлый бабий зад. И вытянул хворостиной тревожно заржавшую кобылку. — А ну, шагай! — И опять выругавшись, на этот раз забористее прежнего, добавил ворчливо: — Развели мне тут детские ясли!

С какой-то девчонки-разины ветер сорвал алую косынку. Высоко взмыв, косынка запарила над лугами недоброй, огненной птицей.

«Э-э, враки одни... насчет ливня в придачу с ураганом, — усмехнулся презрительно Олег, выбирая себе вилы. — День, похоже, разгуляется».

Но тотчас, глянув на запад, в сторону Жигулей, прикусил губу.

Из-за меловых, как бы снежных отрогов, меркнувших прямо-таки на глазах, медленно, с натугой, выплывала, клубясь, устрашающая черная туча.

Миг-другой стоял Олег остолбенело, не в силах оторвать взгляда от клубившейся черной массы. Можно было подумать: там, за горой, разбушевался адский котел с кипящей смолой. Переливаясь через край, горячая смола потекла теперь по молочно-белому склону хребта.

— Ф-фу, ты ч-черт! — сплунул вдруг Олег и, схватив вилы, которые полегче, бросился назад, к дяде Кириллу. Он так спешил, что даже не оглянулся на повизгивающую поросенком полуторку, буксовавшую на песчаном взлобке.

Из кузова машины, не дожидаясь, когда она подкатит к опрятно-чистенькому вагончику, посыпались, что твой горох из мешка, девки и бабы.

Чуть ли не первой на землю прыгнула Сонька. Она замахала Олегу рукой, но, заметив, что он и не смотрит в ее сторону, бросила парню, молча жавшемуся к ней всю дорогу:

— А ну, кавалер, кто кого обскачет!

И понеслась, понеслась, словно на крыльях, к ладному вагончику, розовеющему новыми тесинами.

Приземистый, коротконогий парень с блестяще карими, нахальными глазами, охотно потрусил вслед за прыткой Сонькой, все время пытаясь хватануть ее то за руку, то за плечо, но она ловко увертывалась.

Они подлетели к дяде Кириллу и Олегу, оба разгоряченные, с искрящимися неподдельным весельем глазами на зарумянившихся лицах, самую малость так окрапленных светлыми росинками.

Кузнец лишь покосился на Соньку и нахально-дупоглазого малого, а Олег, неприятно пораженный азартной игрой, затеянной взбалмошной бабенкой, проворчал угрюмо:

— Нашли тоже место... кобениться!

Сонька же, ни капельки не смущаясь, преспокойно, даже с превосходством выдержала сердитый Олегов взгляд.

— Касатик, тебе еще рано записываться в свекры! — с невинной улыбочкой пропела она.

А остроглазый малый, стягивая через голову гимнастерку, так ладно сидевшую на нем, сказал незлобиво, обнажая в добродушной улыбке два ряда зубов — отменно крепких, один к одному:

— Принимай, Кирилл Силаич, пополнение!

«Ба-а, да это ж Тишка, племянш волобуевский! — ахнул Олег, исподтишка следя за коренастым, белотелым парнем, еще не успевшим загореть. — Где только Сонька подцепила этого пройдоху?»

Еще по осени, возвратясь из армии, Тишка сразу же пристроился в райцентре кладовщиком в сельпо. Мать его похвалялась соседкам, вытирая уголком головного платка синюшные губы:

— А он, Тиша-то мой, удачливый! Всю действительную просидел в продуктовом складе... как сыр в масле катался, и теперь тож... не пропадет!

«Такой и в огне не сгорит и в воде не утонет, — опять подумал Олег, теперь уж с веселой усмешливостью. — Он из малости — самой пустяковой, и то выгоду извлечет. Даже вон солдатская гимнастерка и то на Тишку работает!»

Тем временем Тишка, азартно поплевав на ладони, схватился за вилы. И настойчиво повторил с видом эдакого прилежного работяги:

— Силаич, приказывай, какие нам занимать позиции!

Олег со скрытой издевкой в голосе сказал:

— Не знаю, как ты, дядя Кирилл, а я нашего Тишку не сразу признал... раздобрел знатно на сладких сельповских харчах!

И — уже Тишке:

— А сюда чего пожаловал? Или из кладовщиков турнули под изящное место?

Все так же весело скалясь, хитрущий Тишка в тон Олегу ответил:

— За что же меня турнут, ежели я передовик ударного труда? А в Акуши в отпуск... взял отпуск без сохранения содержания. Родному колхозу решил подмогнуть!

— Хо-хо! Гляди-ка ты! — воскликнул Олег. — Ну, и Тимофей!.. Ни дать, ни взять — положительный герой советской литературы!

Утаптывая заложенный основательно стог, кузнец, не произнесший за все это время ни слова, наконец-то скупо бросил, покосившись на Соньку:

— Залазь! Укладывать будешь!

И спрыгнул на землю.

Опираясь на грабли, Сонька проворно, без посторонней помощи взобралась на стог.

Вспоминая, как прошлым летом дядя Кирилл прогнал со стога одну нерасторопную деваху, Олег, смягчившись чуточку, полунасмешливо, полунаставительно проговорил:

— Не ленись, касатка! Следи в оба... пласт на пласт чтоб находил, а середку, само собой, набивай и набивай до отказа!

Пальчиками взявшись за надувшийся колоколом сарафан с голубенькими василечками и оранжевыми маками по клюквенному полю, Сонька дурашливо поклонилась Олегу:

— Спасибочко, соколик, за науку! Чай, как-нибудь... глядишь, и справимся!

Даже дядя Кирилл, смутившись, отвернулся. А Соньке хоть бы что! Ловя на себе блудливый взгляд Тишки, она, как ни в чем не бывало, повелительно прикрикнула:

— Не дремать, миленьши! Веселей подавайте навильники! Люблю веселых да азартных! Я сама веселая до последней сознательности!

Задетый за живое, Олег решил отличиться перед бедовой бабенкой, хотя в душе и клял себя за это на чем свет стоит. Он первым взметнул на стог кудлато-головастый навильник сена. Ну, ей-ей, чуть ли не полвоза было в этой колюче-душистой увесистой охапке!

С визгом отпрянула Сонька от края стога. И уж придя в себя, крикнула с задорцем:

— Эй, барбосище! Насмерть меня придавить хочешь?

В этот миг ее и в самом деле чуть не накрыл с головой новый навильник, сброшенный на стог кузнецом. А пока Сонька, легко орудуя граблями, молча укладывала пласты сена, подоспел и Тишка. И тут колючая на язык Сонька не сдержалась, подковырнула парня:

— А ты, родимый, видать, первым на службе был... по части хлебава?

Олег даже пожалел племянника Волобуева, готового, казалось, провалиться сквозь землю. Гася постепенно эту ненужную жалость, он с неприязнью подумал, вскидывая над головой очередную охапку: «Весь, видать, в дядю... хитрющий».

Но Тишка вскоре втянулся в работу. И уж ни в ловкости, ни в силе не уступал, пожалуй, самому дяде Кириллу. Теперь Сонька все чаще и чаще похваливала его, лупоглазого, снова заронив в Олегово сердце ревность.

А вокруг уже все стихло. Надолго, думалось, наступил в природе прочный, надежный покой. Краешек угольно-черной тучи, недавно так всех испугавший, зацепившись за острый зубец мелового хребта, беспомощно повис, обмякнув, совсем утратив свое устрашающее величие.

К полудню, вырвавшись на простор, солнце прогнало за горизонт обветшавшие клочья облачков и сейчас лучисто сияло на не запятнанном ничем небе.

Такое синее до рези в глазах небо Олег видел лишь однажды в детстве. Ему было тогда лет шесть, не больше. Вдруг приехал откуда-то отец, пропадавший чуть ли не с осени. Он ворвался во двор радостно-возбужденный, таща на плече преогромный чемоданище с подарками и гостинцами.

Но Олег с матерью обрадовались не тяжелому чемодану, а самому отцу, бросившись наперегонки ему навстречу. И отец, поставив свою ношу посреди двора, одной рукой обнял мать, а другой подхватил Олега. И поднял его высоко-высоко к небу.

«Лишь тогда-то, в те недолгие летние деньки, отец и был со мной и матерью искренним и добрым», — подумал Олег и чуть не проколол нечаянно вилами пузатую ящерицу, мирно дремавшую на сухом валке сена, робко пахнущем завядшими цветами. — Экая растяпа! — пожурил он ящерку, успевшую уже куда-то улизнуть. И перед тем как вновь вскинуть над головой оцетинившуюся сухими травинками охапку, Олег забеспокоился вдруг, забывая и свое детство и зазевавшуюся ящерицу: — Неужели Лариска так-таки не появилась в лугах?.. Не заболела ли она?»

И он — в который уж раз за это переменчивое утро — обшарил бойким взглядом привольную эту низину вдоль Светлужки с редкими — кое-где — холмиками. Каждое лето родится здесь густущий, по пояс, отменный пырей. Да вот беда: не всегда вовремя успевают косить и сметать его в стога.

Конных грабель и в эти дни не хватало, и валки приходилось сгребать вручную. Свежими цветами пестрели там и сям по луговине бабы и девки с граблями. Лишь возле стогов мельтешило по три—четыре человека. И как ни приглядывался Олег к цветастым косынкам и кофтам, а Лариску так и не приметил.

— А-алег! Почему продаешь разиню? — окликнула его прохожая Сонька (с Тишкой заигрывать заигрывала, а Олега из виду не выпускала!).

Вздрыгнул Олег. И, с натугой вскидывая навильник, показавшийся ему сейчас уж каким тяжелым, плюнул в сторону: «Исповесничалась вконец Сонька! Если у меня на глазах льнет к Тишке, то уж за глаза... Отлепиться бы мне от нее. Самый подходящий момент».

Еле дотащил он до высокого уже стога эту невмочь увесистую охапку сена. Сбросив ее под ноги Соньке, чуть ли не касавшейся раскосмаченной головой неистового солнца, Олег отер тыльной стороной дрожащей руки саднившее лицо. И вздохнул шумно, как загнанная лошадь.

Середка дня — душная, истомная пора. От едучего пота щипало глаза. Одолевали и слепни — один крупнее другого.

Сейчас отрада — выкупаться. Нестроптивная Светлужка — праздничная, улыбчивая — ласково льнула к пологому бережку, окаймленному жарким песочком, маня и дразня.

Правда, ну как можно отказать себе в удовольствии окунуться с головой в освежающе прохладной, прозрачной воде, когда речушка — вот она, под боком?

И Олег все ждал и ждал от молчаливого кузнеца, равнодушного, мнилось, и к одуряющей духоте и к жалищим нещадно слепням-злыдням, ждал одного лишь кивка: «А ну, ребята, рысью к Светлужке!» Но бесчувственный Кирилл, видать, и в мыслях не держал такого намерения. А когда вконец вымотавшийся Олег сбросил на крутой верх стога эту тяжеленную охапку, кузнец, не дав ему отдышаться, озабоченно распорядился:

— Плугарев, ну-ка, слетай в колок за переметками. Топор у меня в мешке.

— Вот тебе и купанье! — ворчал досадливо Олег, вяло шагая по высокой траве к березовому колку.

Чуть левее колка, на вырубке, застыло в истоме лиловато-фуксинное озерко. Шел и думал:

«Иван-чай цветет. Много нынче меду будет!.. Он, Кирилл, трехжильный, того и гляди отмочит: начнет без передыху второй стог закладывать. Торопится до грозы сено сметать. А ее, грозы, и в помине нет! Похоже, правленцы утку пустили... чтоб мобилизовать на сеноуборку. Прошлую зиму ой-ей как трудно с кормами было... У матери от переживаний за своих буренок глаза ввалились».

Олег сорвал полыхающий огнем мак и увидел Лариску.

Она стояла у тонкой березы, росшей на отлете, в стороне от своих сестриц, сбившихся в тесный полукруг. Вытянувшись в струнку, как и молодое деревцо, Лариска с кем-то разговаривала. Тут же, шагах в двух от девушки, лежали в пестротравье ее грабли.

У Олега ноги чуть ли не отнялись от радости, когда он увидел Лариску. Первым его желанием было — подкрасться к ней неслышно, крепко закрыть ладонями ее глаза и чужим — загробным — голосом прошептать: «Угадай, кто я!» Но Олега не слушались ноги, и он, распулав кузнечиков, присел за куст бузины. То ли от напряженного внимания, то ли от радостного возбуждения (такая неожиданно-негаданная встреча!), а может, и от того и от другого, у него даже спекшиеся губы полуоткрылись, а на правом виске набухла синеватенькая жилка...

— Трусишка! — говорила тем временем Лариска. — Не шевелись уж, а то снова шлепнешься. И не шипи, я все равно не испугалась.

Между пронизанной насквозь солнечными лучами листвой бузины, как бы занявшейся зеленым пламенем, Олег отыскал крошечный глазок. В этот глазок он и смотрел на Лариску и сидевшего на ветке березы неуклюжего взъерошенного птенца, вероятно, еще не научившегося как следует летать.

— А вот, кажись, и мамка наша... Волнуется, беспокоится о тебе, неслуже. Да сиди ты, сиди, уродливая моя смешинка! Она сейчас подлетит. А я ухожу. — Лариска засмеялась и, подхватив с земли свои грабельки, отбежала чуть ли не к кусту бузины, за которым сгорючился Олег.

Теперь Лариска стояла лицом к Олегу. И он даже дышать перестал, боясь, как бы девочка не обнаружила его, сидевшего на корточках в зарослях разных там кашек, васильков, кукушкиных слезок и бог знает еще каких луговых цветов, истекавших слатымым ароматом горячего земляничного варенья.

Отведя в сторону мешающую ему ветку, Олег лишь глазам дал волю: смотрел, и смотрел, и все никак не мог наглядеться на стоящую неподалеку от него по колено в цветах девушку. Спроси его через полчаса, в каком была Лариска платье, повязана ли была ее голова косыночкой или нет, он, Олег, ответил бы, растерянно пожимая плечами: «Не знаю... я... я не об этом думал». Правда, ему не до этого было! Он глядел сейчас на Лариску и с тревожным недоумением спрашивал себя: неужели перед ним была та самая девушка, с которой он еще вчера бок о бок копался на осточертевших огородных грядках, бежал от дождя вместе с ней к тихой калине, потом сидел с ней же под гостеприимным деревом, и даже... да, да!.. и даже поцеловал ее в шею? Неужели все это было наяву, а не во сне?

А Лариска, не подозревая о том, что за ней подглядывают, все никак не могла сорваться с места. Взгляд ее, как бы озаренный внутренним, колдовским светом — ясный, смеющийся, в то же время по-детски застенчивый и любопытный, по-прежнему был устремлен в сторону березки.

Тут и Олег тоже загляделся на трясогузку, опустившуюся на ветку рядом со своим найденышем, обрадованно затрепетавшим дымчатыми

крылышками. А когда поднялся Олег на ноги, огляделся вокруг — ни Лариски, ни трясогузки с детенышем!

«Прозевал!» — сокрушенно вздохнул Олег.

Уж не горела веселым зеленым пламенем бузина, потускнела и красавица березка, недавно еще слепившая своей первозданной белизной. Померкли и цветы-цветики.

Глянул Олег на небо и присвистнул. Почти через весь небосвод распростерлась свинцово-сизая пелена. Зловещая, не предвещающая ничего хорошего, она-то и затмила солнце. Правда, светило чуть проступало сквозь серую грязную муть, проступало маслянисто-расплывчатым блинцом. Но через миг-другой и масляный этот блин совсем пропал: чернильной гущиной наливалась распростертая над землей страшная лавина, уже касаясь своим концом выплывающей из-за гор еще более страшной черной тучи.

Выхватив из-за пояса легкий Кириллов топорик, Олег крупно побежал к настороженно притихшему колку.

VIII

Едва успели прижать принесенными Олегом переметками вершину стога — молодцевато-осанистого, словно бы старательно причесанного, как в мглисто-черной, бурлящей вышине что-то раскатисто треснуло, и над землей повисли вниз торماشками сразу три уродливо-ветвистых дерева. Еще не успели эти огненные деревья кануть в Светлужке, а уж небо снова сотрясли новые раскаты. И тотчас на землю обрушился шквалистый ливень.

— Ой, мамынька моя родная! — завопила дурным голосом Сонька и, упав лицом в примятую траву, засучила оголенными выше колен мертвенно-белыми ногами.

К Соньке подлетел коршуном Тишка и, подхватив ее, поставил на ноги.

— Не дури! Чего паникуешь? — орал он во всю глотку. Похоже было, Тишка хорохорился лишь для храбрости, сам же он перепугался не меньше Соньки.— Понеслись, залетка, к жилому вагончику... Самая пора местечко выгодное там захватить!

К желанному тому вагону, занимавшемуся чуть ли не каждую минуту жгучим малиновым пламенем, уже бежали со всех сторон люди, впопыхах побросав где попало вилы и грабли.

Всхрапывая, бились в упряжке мокрые, отощавшие лошади, матерились на чем свет стоит ездовые. Они никак не могли распрячь осатаневших своих коняг.

А по опустевшему лугу носился неприкаянным бесенком Бубенчик. Перепуганный насмерть жеребенок теперь даже не ржал. Раз он едва не сшиб с ног кузнеца и Олега: они одни не бросились сломя голову к вагончику, а медленно и тяжело шлепали по хлюпающей воде.

«Успела Лариска до ливня спрятаться в теплушку? Или ее тоже прихватил дождь? — думал Олег. — Только бы не заробела... Пусть себе бабахает гром, пусть ярятся молнии, а ты, Ларис, не трись! Не трись, и все тут!»

То спереди, то сзади ломались в выси молнии и отвесно, раскаленными добела пиками, вонзались, чудилось, где-то рядом.

Лишь во время слепящих вспышек можно было увидеть на долю секунды тугие, секущие плети дождя, беспощадно стегавшие винтовую в чем-то землю.

И Олег и дядя Кирилл промокли до последней нитки. Неизвестно как молчун кузнец, а вот Олег чувствовал себя в этом грохочущем аду просто отлично. Отпала всякая нужда купаться: холодный ливень освежил, вернул силы, и сейчас Олег охотно взялся бы снова за вилы.

— А стожок мы вывершили всей округе на загляденье! Верно, дядя Кирилл? — сказал Олег. Ему наскучило идти молча.

Кузнец и не подумал отвечать.

— Если б не этот шальной дождище, мы после обеда и второй бы стог взгромоздили, — продолжал Олег. — Взгромоздили бы и «ох» не промолвили! Назло разным Волобу...

Над лугами прокатился самый оглушительный небесный залп. Сонька потом уверяла, будто вагончик, в котором люди сидели не живые и не мертвые, что есть силы трянуло!

Во время утренно-раскатистого грохота перед глазами Олега и кузнеца вдруг обозначился с призрачной явственностью великан осокорь, трепеща кружевной глянцевиной вершиной. Осокорь этот стоял на бугре вблизи бригадного вагончика, сейчас битком набитого колхозниками, но Олегу показалось: протяни руку, и можно коснуться корявого, в три обхвата, ствола дряхлеющего богатыря.

Погасло нестерпимо белое пугающее пламя, осветившее осокорь от самой маковки и до комля, и мраком налилось все вокруг, а перед глазами Олега долго еще потом возникало могучее дерево, стояло ему лишь смежить веки.

Наконец и они притопали к вагончику, стоявшему посреди преогромной лужи. При новой вспышке молнии Олег припустился внезапно бегом к бугру, над которым царственно высился старый осокорь.

— Куда? Куда ты, баламут? — вдруг рявкнул кузнец, но Олег даже не оглянулся.

Подбежав к дереву, он с отчаянной решимостью принялся карабкаться вверх по сучкастому стволу.

Кто-то приоткрыл дверь и впустил кузнеца в кромешно черное, побанному душное нутро вагона.

Остановившись на пороге и придерживая ногой дверь, дядя Кирилл все вглядывался и вглядывался в сторону осокоря, снова растаявшего в непроглядной по-осеннему мгле.

— Дяденька Кирилл, на кого это ты кричал? — спросил чей-то бойкий любопытный голос.

Его покрыл другой — испуганно визгливый:

— Дверь прикройте, охломоны! Убьет же нас всех молонья!

Но кузнец все так же молча продолжал стоять у порога. А когда вновь воспламенилось небо от края и до края, какой-то мальчишка, просунув голову между широко расставленными ногами Кирилла, восторженно вдруг закричал:

— А баламут наш — Плугарь отпетый... на самой макушечке осокоря сидит!

Мальцу никто не поверил. Когда же за Жигулевскими горами заглохли последние глухие раскаты грома, притихшие актушинцы улышались вызывающе-предерзкий Олегов голос:

— Э-эй, люди добрые! Я молнию сейчас чуть за хвост не поймал!

Тишка, решивший во что бы то ни стало добиться своего, лапая в это время присмирившую Соньку, с ядовитой усмешкой протянул:

— Для некоторых, промежду прочим, закон не писан!

Но тут случилось такое, чего никто, решительно никто не ожидал. Откуда-то из дальнего угла с нар поднялась Лариска и, бешено расталкивая локтями стоявших на ее пути односельчан, бросилась к двери.

А добравшись до выхода, плечом оттеснила от косяка кузнеца. И закричала:

— Иди сюда, Олег!

Лариска приставила ко рту сложенные рупором ладони, собираясь прокричать что-то еще, да не успела. Снова загрохотало, и все небо исполосовали быстрые молнии. От нестерпимо резкого трепетного света некуда было деться. В этот вот пугающе долгий миг и увидела Лариска Олега, сидевшего на вершине осокоря: а он ее — в дверях вагончика.

Едва притихло взбесившееся небо, гаркнул Олег сильно и зычно:

— А я сейчас. Ты слышишь, Лариска? Сейчас я!

И, набрав полную грудь воздуха, уже весело прибавил:

— Ты там не бойся. За Актушами полоска светлая обозначилась.

Конец скоро грозе!

IX

В Актуши из лугов Олег вернулся засветло. По водянисто-холодному, чуть впрозелень, небу паслась всего-навсего парочка легких облачков, снизу окаймленных клюквенного цвета оборками. А за ошетилившиеся сосны на Шелудяк-горе, будто обуглившись во время пожараща, садилось большое, чуть притомившееся за день солнце.

Дома Олега ждала мать.

Он уже давно заметил: стоит после тяжелого рабочего дня, войдя во двор, увидеть на сенной двери висячий замчишко, который любой шкет откроет ржавым гвоздем, как настроение тускнело и уж пропало всякое желание переступить порог отчего дома. Но ежели окна избы светились тепло и живо или из трубы над крышей курчался неуловимый дымок, ноги сами собой убыстряли шаг, и по ступеням крыльца Олег взбегал легко и резво.

Так было и нынче. Передергивая плечами (Олега слегка знобило), он влетел на крыльцо, спугнув сиротливо прикорнувшего к высокому порогу утенка, вихрем пронесся через сени, по пути поддав ногой старую калошу. А распахнув дверь в избу, загорланил от порога:

— Мама, ты жива?

Показавшись из-за перегородки, мать укоризненно качнула головой:

— Чему радуешься, водяной?

А приглядевшись к сыну попристальней — с его одежды все еще капало, уже строже прибавила:

— Раздевайся сию же минуту!

И загремела печной заслонкой.

— Да ты что, мам? — опешил Олег. — Я вот умоюсь наскоро, а ты порубать на стол собери.

— Я чугуна воды согрела, — говорила мать, не слушая сына. — У тебя губы и те посинели. Помоешься в корыте, белье сухое наденешь, тогда и ужинать.

— Ох, — вздохнул покорно Олег, — и придумщица ты у меня!

А поплескавшись у печки в корыте, надев теплое фланелевое белье и даже обувшись в валенки по настоянию матери, он и в самом деле почувствовал себя лучше.

После ужина пили чай.

— До грозы так-таки не успели убрать сено? — спросила мать равнодушно, как бы между прочим.

Улыбаясь про себя этой маленькой ее хитрости (кто-кто, а уж Олег-то знал, что значит для ферм заготовка кормов на зиму!), он сказал уклончиво:

— Разве все успеешь... но сметали порядочно. Одна наша бригада с кузнецом во главе такой стожище завернула!

Мать вздохнула.

Желая во что бы то ни стало сменить тему разговора, Олег полюбозытствовал:

— А в Акушах, мам, как? Накуролесила гроза?

Мать с неохотой протянула, супя черные брови:

— Говорят, с церкви крышу новую сорвало. А на Калмыцкой ошалелый петух в колодец залетел.

Помолчав, уже с улыбкой прибавила:

— И еще новость: у Кашаловых... не у тех Кашаловых, кои на Выселках, а у тех, которые на выгоне... Пропала у этих Кашаловых в грозу бабка их, столетняя Ольга. Искали, искали, а она вдруг сама не своя из погреба выныривает. «Бабаня, — спрашивает внучка, — откуда ты взялась?» А та сердито: «Война-то кончилась?» У внучки и глаза на лоб: «Какая война?» — «Антихристова, — отвечает бабка, — которую атомонной прозывают».

— Дошла бабка! — усмехнулся и Олег.

Обошли молчанием мать с сыном лишь утреннюю историю с приусадебным участком старика Лукшина. Но Олег уже догадался: мать на его стороне. Эта молчаливая поддержка матери — всегда и во всем правдивой и справедливой — сейчас так нужна была сыну! И он, подобрев душой, едва не выболтал ей о новой стычке с Волобуевым, происшедшей уже после грозы, когда за промокшими колхозниками в луга прикатил грузовик.

Почесывая ухо о мосластое плечо, Олег второпях заговорил совсем о другом:

— Да с Ленькой Шитковым... и рассказывать даже охоты нет. Он, Ленька, вместе с Волобуевым зачем-то прикатил на полutorке. Ну прямо фронт фрantom... не в луга будто прикатил, а в клуб на бал по случаю Нового года! И брючки отутюжены, и белая сорочка с галстучком, и кожан на «молнии».

Мать вопросительно поглядела на сына.

Олег глотнул из чашки горячего чаю, обжегся и закашлялся.

Минутой позже, все еще не поднимая от стола глаз, сощуренных до щелочек, он с трудом закончил:

— Машина летела с ветерком, ну, и продрогли все. А женскому персоналу и давно досталось. Я и скажи Леньке — он тоже в кузове вместе со всеми трясся: «Пожертвуй на время свою куртку девчонкам», а он...

— Ну, а он? — поторопила мать Олега, тянувшего до странности скучным голосом.

— А он взял да отвернулся. Не расслышал, поди-ка ты! Пожалел, жадина, кожан свой столичный!

Пододвинув ближе к сыну вазочку с загустевшим прошлогодним медом, до сих пор все еще пахнущим липовым цветом, мать поправила волосы, тяжелым узлом связанные на затылке. Вдохнула. А потом с легким смешком проговорила:

— Э-э, горюшко ты мое! Даже скрытничать не научился. Вся душа нараспашку!

Чувствуя, как у него не только лицо, но и уши заполыхали, Олег удрученно и потерянно мыкнул:

— Ну, ты вечно мне не веришь...

— Молчи уж! — махнула рукой мать. — Пока ты с девками топтался на площади, мне люди все обсказали.

— И что же они тебе обсказали?

— Сам знаешь! Так, говорят, Волобуев на тебя рывкнул, что с Шуркой Шаховой чуть родимчик не приключился. Пообещал, сказывают, если ты еще на покосе появишься, с милицией турнуть!

У Олега заиграли на побуревших скалах крупные желваки. Прерывисто дыша, он спросил, еле шевеля губами:

— А сказывали тебе, как обломал Волобуева дядя Кирилл? Сказывали?

— Сказывали! — кивнула мать. — Спасибо Кириллу Силаичу. Отхлестал он этого мизгиря по первое число. «Чего ты к парню привязался? Чай не на барщине он, и ты не помещик!» Так или не так сказанул кузнец?

— Так-то так, да я другое вижу: не будет мне, мам, тут жизни... пока Волобуев крутит-вертит в Акушах. А в огородную бригаду я больше ни ногой. Другой же работы он не даст... Хоть уезжай до времени куда глаза глядят. А куда сунешься без паспорта?

— Уж и управы нельзя найти? На этого самодура? — спросила в сердцах мать, скрестив на груди руки. — Узнать бы надо, когда Пшеничкин из больницы вернется. Семен Семеныч, он всегда за правое дело... Сколько раз доставалось от партийного секретаря разным ухарям! Семен Семеныч и сейчас бы...

— За Петра Ильича Лукшина, может, и тряхнут малость. И землю старику заставят вернуть. А со мной... со мной у них вроде бы все в ажуре. Не зацепишься. — Помолчав, Олег добавил: — Пшеничкин, это ты верно... душа у него родниковой чистоты! Вот только прихварывать чего-то частенько стал.

Долго оба молчали. Совсем было заглохший самовар вдруг снова затянул свою песенку — жалобно, пискливо.

— Раздумаешься порой, и голова пойдет кругом, — заговорила удрученно мать. — Когда-то, в давние времена, читала раз в книжке, народники были — даже девицы благородные среди них встречались, — ехали в деревенскую глушь детишек голодранных мужиков грамоте учить!.. А крестьянские наши дети отправляются в город, получают там высшее образование, и многие, вместо того чтобы возвращаться в родные места, стараются, бесстыжие, зацепку найти... увильнуть от деревни. У преда нашего, слышь, дочка на ветеринарного врача выучилась, посылали куда-то на Север, а папаша откупил ее. И сейчас девица эта — не срамота ли? — в Самарске в овощном магазине нашей же картошечкой и моркошечкой торгует!.. Вон Зося Сипатова, моя помощница, третью неделю ждет не дожидется ветфельдшера боровка выложить. Хоть за академиком в Москву посылай! И смех и грех!

Мать усмехнулась, принужденно как-то усмехнулась. А минутой позже, сдвинув с места жестянку из-под халвы, в которой теперь держали сахарный песок, вытянула из-под нее конверт.

— Чуть не забыла, письмо тебе, Олег. Получай!

Но прежде чем положить перед сыном этот песочно-пепельный, точно выгоревший на солнце, тощий конвертик, еще сказала — недоуменно, с горечью:

— И отчего теперь люди с такой легкостью невообразимой с насиженного места срываются? Деда наши — те ее, землю-кормилицу, никогда не бросали.

Стоило Олегу лишь мельком глянуть на конверт, как он тотчас отложил его в сторону.

— Чего морду воротить? — строго спросила мать. — Ведь не кто-нибудь, а отец родной письмо прислал!

Олег набычился.

— А ну его!

Не зная, чем занять руки, он принял ложку мешать пустой чай в стакане. Оставив наконец в покое стакан, Олег выпрямился. И, глядя матери прямо в глаза, сказал:

— Скоро девять лет... в ноябре будет девять, как уехал отец. Я ни разу не спрашивал тебя, мам... а сейчас прошу...

Самовар все еще по-прежнему упрямо тянул заунывную песенку, и мать ладонью сильно прихлопнула заглушку. И заговорила — негромко, раздумчиво, то и дело спотыкаясь:

— Просто так, в двух словах, не опишешь всего и взглядом не обнимешь. Годами накапливалось... Случается, когда рухнет семья, соседи судачат про то всякое. Бывает, и такое влетит: «Разные, мол, они были люди, по-разному на жизнь смотрели». Вот и про нас с твоим отцом... тоже... тоже что-то вроде этого можно сказать. Да, возможно, не только мы, и деды наши были разные, и отцы с матерями — тож. Ни дедушке моему, а твоему прадеду, ни моему родителю, никогда легко не жилось. Но семья была дружная, до работы упористая. Бывало, ночами не спали, коли кобыла ходила жеребая али коровушка стельная, к примеру. А появится на свет махонькая животина — праздник для всей семьи наступал. Правду говорю. Не была наша семья быстро богатой, но и в крайнюю бедность никогда не скатывались... Всякое случалось — и лихие неурожайные годы донимали, и градом побивало посевы. Падеж скота и наш двор стороной не обходил. Но тужились мужики, подтягивали крепче ремни. Ежели надо — и бабы вместо лошадок впрягались. Подошло раскулачивание... В тот слезный год у нас в хозяйстве всего-то нашего четыре животины числилось: старый мерин, кобылка нежеребая и Красавка с телочкой годовалой. Ну, там еще овец голов семь, подсвинок, курешки. А едочков без одного рта десятеро! Ну, и порешили на собрании: Сивуху и Красавку звать, а самих не трогать с места. Миновала большая беда! А колхозы только-только зачали проклевываться, родитель один из первых заявление понес. Верил: облегчение крестьянскому роду пришло!

Перебивая себя, мать недоуменно пожала плечами:

— К чему это я пустилась в библейскую историю?

Олег нетерпеливо бросил:

— Дальше, мам!

Но она не сразу продолжила свой неспешный рассказ, а еще помолчала-пораздумала, комкая между пальцами кромку чайного полотенца с махрами.

— Дедушка Игнатий, не считаясь с преклонностью лет, годочка четыре еще работал в колхозе. А помер совсем чудно. Зинушка, старшая сестра, так сказывала: картошку рыли. И старый и малый в поле вышел. Да и пора, нельзя было дальше мешкать: того и гляди белые мухи полетят! А под вечер совсем заглодало, иззяблись все. «Побегу, дедка проведею», — говорит себе Зинушка. Прибегает на другой конец полосы, а он, сердечный, как старый воробей, наохлился. Шапка, и та на самый нос наехала. Сидит на земле и не шевелится. А в пригоршнях — руки ровно в чернилах выпачканы, так все залиловели, а в пригоршнях, значит, пара крупных картох. «Задремал, что ли, старый?» — спрашивает себя Зинушка. Наклонилась над дедушкой, а он не дышит.

«Дурак! — обругал себя Олег, стискивая зубы. — Зачем просил рассказать? Вот расплатится сейчас...»

Но на глазах матери даже слезинки не проступило. Только она зашепила, зачастила вдруг:

— А дед Иван, мой родитель, ты не раз о том слышал, перед самой войной — он тогда скотником стоял на молочной ферме, при пожаре погиб. Балкой его насмерть придавило, когда он в пылающий коровник кинулся, чтоб последних коров вывести. Не то по нечаянности какой загорелась ферма, не то с умыслом злым кто-то пустил петуха... Ну, а про твоего отца... они, Плугаревы, испокон века в бедняках ходили. Не везло им, что ли, али прилежания к земле не было? Кто их знает! Слышала, когда еще девчонкой бегала, мать сказывала: «Хлеба у всех стеной стоят, ужу не проползти, а Плугаревы ни с того ни с сего надумают вдруг в Сибирь махнуть, а то и еще в какую-нибудь дальнюю дальность. Продадут посеы на корню, скотинешку тоже побоку, и закатятся в путь-дороженьку. Слышь там, на золотых приисках, деньгу большую наживают люди! А по весне обратно в Актуши притопают... чуть ли не босые. И так всю жизнь. А пришла революция, дедушку Никиту, это твоего отца родителя, в совдепы выбрали. Водил мужиков громить графскую усадьбу. Началась чапанка на Волге — это когда богатеи силились Советскую власть смахнуть, Никита к красным подался. И Митюху, сына старшего, с собой прихватил. Да не повезло Никите. Изловили его беляки, измордовали зверски, а потом, душегубцы, повесили в Катериновке на площади. Один Митюха после кровавой заварухи в село вернулся. И пришлось ему запрягаться по самые

ноздри в хозяйство. После Никиты два неразумных огольца остались, да самому Митрию к тому времени Агаша, жена, тройню принесла. Управься-ка тут один!.. Опять, кажись, я в историю вдарилась! Перейду сразу ближе к концу... Твой будущий отец пришагал домой после Отечественной войны в чине лейтенанта. Без мужиков заплошала и земля, и хозяйство в упадок пришло. Только он, Антон-то, не в борозду сунулся, а клуб наш возглавил. Танцевать был мастер! На танцах, дуреха, и втюрилась по уши в молодца!

Мать опять потянулась за полотенцем. Дрожащие пальцы связали в узелки два-три махорка... Подавляя вздох, она покачала головой:

— Старею, похоже. На болтовню тянет: видишь, как развезла! Да сейчас закрублю. Отца твоего и раньше уговаривали в вожак колхозные заступить. Да он не простак, все увиливал. А от сельсовета не отвертелся. Избрал народ. Ну, и начали они с Заклепаловым, тогдашним предколхоза, поднимать урожайность, насаждать культуру на селе... Раньше Антон в меру выпивал, а Заклепалов этот самый... он еще до Антона несколько колхозов по миру пустил, так вот Заклепалов-то и втравил отца. Что ни вечер — то пьянка у них, что ни воскресенье — гулянка. Они и бабенок мокрехвостых не обходили стороной. А мой... этот даже в Бруснях завел себе мамзельку. К слову добавлю, мизгирь Волобуев на побегушках у теплой компании числился. Правая рука! Этому, верно, на радость было, что народное добро по ветру пускают. Он ведь из семьи приметных в округе богатеев. У деда Волобуева маслобойка была, трактор, скота полный двор. Ну, вот, кажись, и до конца дотянула. Сколько раз, бывало, своему советовала добром: «Опомнись, что делаешь? Развяжись с бесстыжим беспутником Заклепаловым! Снимать его пора, а то все корни под колхозом подрубит!» А мой Антон знай свое: «Не бабьего ума дело. Не суйся в наши мужские дела!» И как что, так в Брусняны закатится... к своей, значит, крале. Была у него секретарша в леспромхозе. Вернется, бывало, домой из района, слова доброго не скажет. Тучей осенней смотрит. А в зиму в райисполком устроился. Дружок у него там с войны сидел, ну и помог бедняге. Приезжает раз из района и заявляет, потирая от превеликого удовольствия руки: «Собирайся, мать! Пора из этого болота выбираться. Хватит и тебе за разными буренками навоз выгрывать да баланду всякую им стряпать. Хватит ишачить, собирайся давай!» — «Как собирайся? — спрашиваю. — Развалили все, а теперь на печку? Пусть дохнет скот, пусть люди недоедают, а мы с портфелем по райцентру разгуливать зачем? Вспомни-ка деда Никиту! За что он головушку свою сложил?» А мой Антон свое гнет: «Перестань демагогию разводить. Не те времена. Раз мне партия доверяет другой пост, значит, надо ехать!» — «А секретуркой с крашеными губами, говорю, тебе тоже партия приказала обзавестись... окромя жены?..»

Повернувшись лицом к Олегу, мать улыбнулась ему ласково и виновато. Сказала еле слышно:

— Так и разошлись, Олежек, наши с Антоном пути. Так ты у меня и остался без отца. Виновата если — кори. Только не могла против сердца... Какая уж это жизнь, когда знаешь, что ты постылая своему мужу? У него и для тебя ласкового взгляда не было.

Ни слова не проронил Олег. Собрав с колен обрывки порванного письма, он сунул их в карман. И встал. Подошел к матери. Бережно прижимая ее голову к своей груди, поцеловал в затылок. И тут он увидел в темных густых ее волосах тонкие ниточки. Несколько тусклых свинцовых ниточек.

Х

Когда они чуть ли не последними вышли из Усольского клуба, только что битком набитого людьми, Лариска, глянув на ручные часы, тихо ахнула:

— Ох, уж тридцать пять двенадцатого!

Вытирая скомканным платком шею, Олег спросил себя: «Как же мы теперь в Актуши... на одиннадцатом номере? А?»

В Усолье они прикатили на случайно подвернувшемся грузовичке. А вот обратно... Олег оглядел пустынно сумрачную площадь. Лишь напротив у продовольственно-промтоварного магазина, такого погородскому шикарного, с огромными витринами из сплошного стекла, тускло горел фонарь, освещая вокруг себя пыльную, полуприотпанную траву в пятнах мазута.

В разные стороны торопливо расходились последние парочки. С завистью провожая взглядом убежавших в обнимку мальчишку и девчонку, Олег снова подумал: «Эх, и барбос же я... ну, зачем потащил за собой Лариску?»

Тут-то и подкатил к ним лихим чертом Ленька Шитков на своем трескучем мопеде! С ветерком подкатил, каналья, обдавая и Лариску и Олега пылью — отволглой, пропахшей прогорклым полынком.

— Честной компании приветик! — бодро поздоровался Ленька. — Персональную «чайку» ждем или надеемся такси заарканить? Предполагаю, годков эдак через десяток они, возможно, и появятся в нашей местности. Я имею в виду такси. А сейчас, — Ленька развел руками, как бы прося извинения, — а сейчас, к сожалению... Как сказал Маяковский: «Наша планета для веселья мало оборудована».

И он глупо и самодовольно рассмеялся, рассмеялся прямо в лицо помрачневшему Олегу.

Лариска обрадованно сказала:

— Лень, а мы тебя не видели... ты в каком ряду сидел?

Опять разводя руками, Ленька нахально хихикнул:

— Так вы же на пару! Разве тут узришь земляка!

— А ты один? — спросила чуть удивленно Лариска, переступая с ноги на ногу (ох, уж эти туфельки на гвоздиках!).

— Как видите... «Белеет парус одинокий в туманном море голубом».

— Не ври. У поэта сказано: «в тумане моря голубом», — проговорил Олег. — Что это ты стихами сыплешь? Уж не задумал ли в поэты податься?

Легонько потянув Олега за рукав пиджака, Лариска спросила, улыбаясь поощрительно:

— А ты, Леня, правда стихи пишешь?

Изображая из себя скромника, Ленька потупился, поводя ладонью по рулю мопеда.

— Пацаненком когда был... а сейчас... разве что изредка. Все дела, да случаи...

«Ах, ты, шут гороховый! — вознегодовал про себя Олег. — Ты же одни тройки по русскому и литературе получал. И никакого поэтического дара никогда и никто за тобой днем с огнем не замечал! Это ты перед Лариской павлиний хвост распускаешь!»

И он снова сдержался. Но решил положить конец вздорному Ленькиному бахвальству. Сказал:

— Между прочим, Леонид, поэт, которого ты только что переврал, написал... заметь — персонально о тебе... хочешь прочту?

Не дожидаясь согласия прикусившего язык Леньки, нарочно сурово и мрачно Олег изрек:

Печально я гляжу на наше поколение!

Его грядущее — иль пусто, иль темно...

— А, черт, запоматывал, как дальше, — выругался Олег. И, помолчав, спросил: — Ты, поэт, Лариску прихватишь? А я пешочком...

— Нет, я не поеду, — перебивая Олега, поспешно сказала Лариска. — Я тоже пешком.

— Это на шпилечках-то девять километров? — Олег посмотрел девушке в глаза и, смягчившись, осторожно добавил: — Ты обо мне не думай. Мне что девять, что пятнадцать... Я на своих ходулях быстреонько вслед за вами притопаю.

Просиявший Ленька петухом прокукарекал:

— Да я отомчу Лариску и за тобой... Для моего коня пара пустяков...

— Нет и нет! — уже решительнее отрезала Лариска. — Я просто хочу прогуляться. Поезжай, Ленечка, не томи себя.

Не говоря больше ни слова, Ленька надвинул на белесенькие, неприметные бровки беретик и сразу с места взял предельную скорость.

В ночной тиши заснувшего села мопед его, остервенело треща, пронесся с ревом реактивного истребителя сначала по главной улице, потом свернул в переулок к складу нефтепромысла. И даже когда мопед вырвался на просторное шоссе приречной поймы и все так же бешено понесся в сторону Актушей, Олег и Лариска еще долго слышали его kloкочуще-злое, захлебывающееся бормотание.

До околицы они прошагали молча. То и дело дорогу им перебегали бездомные кошки. Можно было подумать, что в Усолье открыли кошачий питомник. А когда вышли на безлюдное шоссе, тянувшееся в сторону Ульяновска, в дневное время всегда оживленное и шумное, Лариска сказала:

— Не пойти ли нам лугами? Вдоль Светлужки?

И, не дожидаясь согласия Олега, нагнулась и сняла с ног туфельки. Олег пожал плечами.

— Как хочешь. Только по шоссе короче...

— А! — беспечно тряхнула кудрявой головой Лариска и засмеялась. Засмеялась впервые за весь вечер. — Куда ни шла ноченька!

Она сбежала с шоссе на лужайку и весело запрыгала, держа над головой свои невесомые туфельки, в сумеречной загустевшей сини наступившей ночи похожие на смиренных диковинных птиц.

Вдруг стало весело и Олегу. Он тоже разулся, тоже сбежал на лужок и подхватил Лариску. И они закружились в вальсе. Обычно большой, неуклюжий Олег робел на танцевальных вечерах в клубе, то и дело опасаясь, как бы не толкнуть кого локтем или не наступить кому на ногу. Сейчас же он сам был поражен той легкостью, с какой выделял эти безумно сложные, по его мнению, па.

Вдруг из-за горного кряжа Сокских гор выкатил огромный «ЗИЛ», полоснув танцующих острым лезвием искрящегося света. Олег и Лариска смутились, сбились с такта.

— Бежим! — шепнула, приподнимаясь на цыпочки, Лариска.

Загораясь озорством девушки, Олег схватил ее за руку, и они побежали, побежали через скошенный луг к Светлужке, окутанной клубившимся туманцем.

На песчаном холме, врезающемся острым мысом в луговую низину, запыхавшаяся Лариска остановилась у приземистой сосны, в вершине которой запутались две лучистые звездочки. Прижалась спиной к шероховатой коре и закрыла глаза.

А Олег сел у нее в ногах на прохладный, совсем бесцветный песок, усыпанный ощерившимися шишками. Обняв руками ноги, он уперся подбородком в колени, спрашивая себя: «Мог ли я еще на той неделе мечтать о таком вечере? Не раз и не два приглашал Лариску и в кино и на прогулки, а она все отнекивалась: то некогда, то недосуг. А вот нынче...»

Как бы очнувшись от забытья, Лариска легко так вздохнула и, опуская на голову Олега горячую ладонь, спросила вкрадчиво:

— Ты не спишь?

— Нет, что ты! — с невольной порывистостью проговорил Олег, в то же время боясь пошевелиться. Он просидел бы так всю ночь, лишь бы Лариска не убирала с его головы своей волнующей руки. Сердце то совсем замирало в груди Олега, то начинало колотиться так бешено, что он пугался: не слышит ли Лариска?

— Посмотри в низину, — продолжала она. — Видишь лошадей?.. Будто они плывут, правда?

И, сняв с головы Олега руку, повела его влево. Олег неохотно посмотрел в ту сторону.

На лугу паслись лошади. Одни из них не спеша щипали траву, другие спали, понунив головы. Чуть подалее от табуна, у стога, стояли рядышком еще две лошадки. Одна из них дремала, доверчиво положив голову на шею другой. Зыбкие космы тумана путались у лошадей в ногах, и отсюда, с мыса, казалось: табун неслышно плывет по молочной реке.

— Правда, здорово? — переспросила Лариска.

— Ага, — кивнул Олег. И добавил: — Садись. Удобный мысок. Все как на ладони.

Помешкав, Лариска опустила рядом с Олегом. Обтерла от песка ступни ног, надела туфли. Сказала:

— На этом лугу девчонкой журавушек я видала. Стая заночевала. Мы тогда с отцом от тетки из Орловки возвращались да припозднились. А они, журавушки, на ночлег устроились. Начало апреля было, Светлужку еще синий лед крыл, а они уж на север торопились, весну на крыльях несли. Преогромнейшая стая — весь луг заняла, а посреди на бугорке — старшой. Стоял на одной ноге и зорко-зорко во все стороны смотрел. Отец, помню, сказал: вторую ногу он для того поджал, чтобы...

Внезапно Лариска обернулась назад и с приглушенным вскриком: «Ой, кто там?» качнулась к Олегу, ища у него защиты.

Вскочив на ноги, Олег увидел большого старого лося. Шагах в пяти от сосны стоял он, косматый и бурый, высоко вскинув голову. Много раз приходилось Олегу видеть лосей — и в лесу и в лугах, но так близко — впервые.

— Ты чего? — как можно тверже проговорил он, глядя на гордого великана, сильно напружинившего все мускулы. — На водопой собрался? Ну, так и шагай своей дорогой!

Лось постоял, постоял, подумал, подумал, а потом, раздувая чуткие ноздри, фыркнул, мотнул головой. И, выбрасывая вперед длинные тонкие ноги в светлых подпалинах, стремительно пронесся мимо Олега и Лариски, отдавая их и горячим дыханием и брызгами песка.

Махнув с мыса вниз, лось перешел на шаг. Он пересек наискосок луг и вскоре скрылся в прибрежном мелкоколесье.

— Ой, и напугал же он меня! — приходя в себя, призналась Лариска. — Такой большой и страшный.

— Ничуть и не страшный, это тебе просто так... почудилось, — успокоил Олег, снова опускаясь рядом с девушкой. Ему показалось, что Лариска дрожит. Он снял пиджак и заботливо укрыл девушку.

— Спасибо, — кивнула она.

Набежавший откуда-то ветришко прошелся ощупью по сосновым веткам, и на Олега с Лариской повеяло сухим смолистым теплом.

Не то филин, не то другая какая-то птица, пролетев мимо, отвесно упала в мглистую темь низины. Некоторое время над Петрушиным колком, задевая вершины деревьев, пасся молодой худосочный месяц. Он скрылся так же неприметно, как и появился. И немотно тихая — не светлая и не темная — июньская ночь, поражавшая своей неземной прозрачностью, боясь скорого рассвета, щедро оделила луга тяжелой, как ртуть, росой.

Вероятно, помимо воли задремавшая Лариска прислонилась плечом к Олегову плечу, и он старался не шевелиться, чтобы не спугнуть ее легкого сна. Но, оказалось, она и не думала спать. В то время, когда у Олега тоже стали слипаться веки, Лариска со вздохом сказала:

— Этой девчонке позавидуешь. Не у всякого найдется такая воля!

И, отстраняясь от Олега, она посмотрела на него с застенчивой, еле приметной улыбкой.

Приходя в себя, Олег тоже обернулся к Лариске. И еле удержался от искушения осторожно погладить ее по щеке — такой упругой и такой прохладной.

— Представить даже немислимо: обречь себя на четырнадцатилетнее ожидание, — продолжала, помолчав, Лариска, все так же негромко, почти шепотом. — А тот, второй парень, он был даже больше по душе Маре, но она все-таки не нарушила своего слова, не изменила Бубе.

«Да ведь это она о давешней картине», — догадался наконец-то Олег. И уж совсем очнувшись от властно одолевавшего его сна, сказал тоже с улыбкой:

— А я бы на ее месте за того... за печатника вышел замуж.

— Ну, как ты можешь такое сказать! — горячо воскликнула Лариска. — Разве Бубе тогда бы перенес тюрьму?.. Нет, Олег, я... я завидую Маре. Эта ее верность... верность во что бы то ни стало, наперекор жестокой жизни... такой верности многим нашим девчонкам надо бы поучиться!

Вздохнув, она добавила, легонько касаясь Олеговой руки:

— Спасибо тебе. Одна я бы не собралась в Усолье. Да я и не слышала ничего об этой картине.

Олег ответно потянулся к Лариске, намереваясь обнять ее, но она остановила его беззащитным, молящим голосом:

— Не надо... не надо, Олег. Мне и так хорошо.

И он сдержался. Он только с недоумением спросил себя: «Ну, не странно ли? Почему я перед этой девчонкой робею? С другими никогда таким не был, а перед Лариской...»

Подал в себе вздох и еще подумал: «Какая она другая, не похожая ни на кого, даже на Соньку. Родные сестры, а совсем-совсем разные!»

Ему стало стыдно, нестерпимо стыдно, будто Лариска могла угадать его мысли. В трепетно светлые ночи, какие бывают на Волге в июне, влюбленные часто читают мысли друг друга по глазам.

В притихших, как бы омертвелых на время прибрежных зарослях краснотала вдруг кто-то защелкал, защелкал торопливо, как бы спохватясь: тю-тю-тю... тью-тью-тью!

— Соловей,— прошептала Лариска.

И вдруг ожил не только кустарник, ожили и луга, и дальний Петрушин колок, и горные кряжи в дымке. Вся чуткая, дремавшая доселе природа встрепенулась, обретая слух.

А певец помолчал, да как во всю силушку хлестанул раскатисто да на перещелк!

— Эге-е! — присвистнул удивленно Олег.

Опять помолчал голосистый, словно цену себе набивал. И снова поразил и Олега и Лариску: такие перезвоны рассыпал, что и ушам не верилось.

Порой казалось: соловей достает со дна Светлужки мелкие, обкатанные гольшики. Звенят, падая в речку, прозрачные капельки, перекатываются камешки. Но вот надоели ему гольши, и он с размаху бросает их в омут, и звенят колокольцы... Да только ли над Светлужкой слышна эта непередаваемо чистая звень?

— А вон еще,— прошептала обрадованно Лариска.— Слышишь, Олег? Другой выводит трель... Ой, боже, ну как хорошо! Скоро по всей Светлужке соловьи защелкают. Наверно, другой такой речки нет, как наша. Ее надо бы Соловьиной назвать.

Олег глянул на Лариску, и она улыбнулась ему. Улыбнулась, вытирая рукой нависшие на ресницах слезинки.

XI

Не зря, видимо, говорят, что счастье от несчастья недалеко ходит. Вся последняя неделя июня — тихая, кроткая, с пугающе светлыми ночами, пролетела для Олега, как один день.

Чуть ли не каждый вечер встречались они с Лариской. Исколесили все окрест вдоль и поперек. А однажды засиделись на Ермаковом обрыве у Светлужки до рассвета.

Раньше Олег как-то и не думал о том, до чего же она маняще красива — извилистая их речушка, красива не яркостью, не броскостью, а бесконечно глубокой, задушевной русской своей светлостью. Посидите-ка июньской ночью на берегу Светлужки и сами в этом убедитесь.

Чутко дремлющая вода — теплая-теплая, теплее парного молока, на заре видела сны: по ней то и дело шли круги — то тут, то там. Олег знал — рыба в воде играла, но Лариска говорила другое: «Сны снятся Светлужке — легкие, девичьи, потому-то и круги тихие, не плескучие». И Олег соглашался, кивал головой.

А когда закричала страшно, леденя душу, выпь в камышах — черных впрозелень, возле которых на загустевшей воде плавали, тая, последние звезды, Лариска испуганно шепнула на ухо: «Водяной бык... честное слово! Я маленькой видела, как он косматую морду из омута высунул и ну кричать. Я тогда без памяти домой примчалась».

И вдруг все сразу кончилось, точно оборвалась та незримая, пока еще тонюсенькая, ниточка, все эти дни связывающая Олега и Лариску.

Прибежал он в субботу в Заречье к Лариске под окно, намереваясь ошеломить ее радостной вестью: «В Ставрополе польский эстрадный ансамбль выступать будет. Всего один вечер. Ясно? Собирайся!»

Подкрался к раскрытому настежь окошку, глянул через подоконник, заставленный плошками с веселой бездумной геранью, да так и присел.

Прямо у окна за ломившимся от книг столом сидели рядышком, локоть в локоть, Лариска и... фельдшер.

Откуда он внезапно взялся, этот смазливый синеокий усатик? Ни разочку не заикнулась о своем костоправе Лариска, а ведь о чем только не переговарили они с Олегом в эту канувшую теперь в небытие беззаботно-счастливую неделю. И вот — нате вам! Вольготно сидел бок о бок с Лариской в ее доме ненавистный Олегу хлюст, концом карандашика по усам водил и латинскими словами сыпал, ровно семечки каленые щелкал.

Хрустнул под ногами у растерявшегося Олега прутик. И тотчас Лариска строго крикнула:

— Кто там?

Выпрямился Олег, поднял с трудом голову.

— Я это. Выйди на крыльцо... на минуту.

С недоумением Лариска переспросила, словно не узнала по голосу:

— Олег?

Он не ответил, лишь губы сжал плотно. А про себя подумал с упреком: «Хитришь? И не стыдно?» Хотел повернуться и уйти, но что-то еще удерживало, какая-то неподвластная ему сила крепчайшими ремнями спутала ноги.

— Ой, да ты что — язык проглотил? — весело сказала Лариска, показываясь в окне. — Заходи, Олег, я тебя с Валентином познакомлю.

Помотал головой Олег, набычился. Лариска пожалала плечами, бросила сухо: «Сейчас!» и скрылась.

Чтобы усатик не слышал их разговора, Олег намеренно дальше отошел от крыльца.

— Ну, что у тебя за китайские секреты? — налегла на него Лариска. Она белой бабочкой выпорхнула из калитки — совсем неожиданно для Олега. — Да ты... куда ты так вырядился? — оглядела она Олега вприщур.

Из заднего кармана черных брюк Олег осторожно достал билеты. И все так же молча протянул их девушке.

— Билеты? И куда? — Лариска с томительной нерешительностью взяла в руки две неровно оторванных сиреневых ленточки, пробежала глазами скупой текст. Сказала, не поднимая глаз: — Нет, Олег, не могу. Мы и нынче весь вечер, и завтра... заниматься будем. Валентин обещался...

Тут она глянула на Олега и замолчала. Длинный, большеголовый, он смотрел на нее с таким грустным, убитым видом, что доброе Ларискино сердце все так и затрепетало от жалости.

— Олег, ты только... только, пожалуйста, не сердись, — начала было снова Лариска, прижимая к груди кулачки, но он, озлясь, перебил ее:

— А я-то думал... а ты... Зачем ты меня за нос водила? А сама... Этого усатика в уме держала? Зачем?

Вплотную к Олегу подошла несробевшая Лариска. Положила на его вздрагивающие угловатые плечи маленькие крепкие руки.

— Пойми меня, Олег, правильно. Пойми! Наслушался ты актушинских сплетниц, а они ошибаются: не собиралась и не собираюсь я замуж. В медицинский... вот куда я собираюсь попробовать поступить. А Валентин обещался поднатаскать меня... Ну, теперь ты все знаешь?

Она заулыбалась. Светло так, чисто, искренне. Даже Олега проняла эта улыбка, озарившая Ларискино лицо незнаемой дотоле, пугающей новизной. Вначале у него губы чуть раздвинулись, потом чуть теплели глаза.

Все еще не снимая с его плеч ладоней, таких волнующе горячих, Лариска участливо спросила:

— Ты мне лучше скажи, как у тебя с работой?

— Все никак, — еле выдавил из себя Олег, мрачнее.

— А с председателем... с ним ты говорил?

— Утром. Говорю: ставь на самую тяжелую, какая ни есть в колхозе работа, а он только рычит и слушать ничего не хочет. Решил я подождать Пшеничкина. Со дня на день из райбольницы должен приехать наш партийный секретарь. — И, вдруг вскипев, Олег весь побагровел. Скомкал возвращенные Лариской билеты и бросил ей под

ноги.— Да тебе-то что?.. Тебе что за дело до меня? Лети к своему усатику, а то он заждался!

Грубо сбросил со своих плеч Ларискины руки. Сбросил и побежал. Бежал Олег вдоль улицы, сжимая от душившей его ярости кулаки.

XII

Актушинская чайная славилась на всю округу. Заведующий чайной бельмастый Филя — узкоплечий мужичишка с впалой грудью чахоточного и его жена — повариха и уборщица этого злачного заведения, особа гвардейского телосложения, жили тут же, во второй половине здания, и у них, людей покладистых и неспесивых, даже в глухую полночь всегда можно было добыть поллитровку.

В чайную, прозванную в Актушах «Опрокинем», и влетел ожесточенный Олег, все еще негодуя в душе на коварство простодушной с виду Лариски.

И хотя солнце стояло еще довольно-таки высоко, как бы раздумывая: не стоит ли ради субботы повременить с уходом на покой, в тесном помещеньице было уже людно и накурено.

Олег прошел в самый дальний, полутемный угол и сел спиной к двухметровому плакату, призывающему в стихах раз и навсегда искоренить пьянство.

Лишь за этим вот столиком с переполненной окурками алюминиевой пепельницей восседал одиноко на редкость представительный незнакомец.

Слева, сдвинув три стола, сидели тесной компанией какие-то лохматые парни и девицы. Все девицы были похожи друг на друга, словно они только что сошли с конвейера: «конским хвостом» завязанные на затылках волосы, сожженные перекисью водорода, белые полупрозрачные нейлоновые блузки, пронзительно-пунцовые топорщившиеся юбки с преогромными карманами, точно у кенгуру, и пестрые, под крокодиловую кожу, лодочки на шпильках.

«Откуда взялся этот табор? — подумал Олег про пеструю компанию откормленных молодцов.— Неужели туристы из Самарска? И прикатили лишь за тем, чтобы в пещере Степана Разина кутеж на всю ночь закатить? А сюда завернули пары для начала подогреть?»

Занимали свои места и завсегдатаи чайной: счетовод-пенсионер в допотопных очках с поломанными железными дужками, портной Ивиков, инвалид войны, и церковный сторож Калистратыч, добрейшей души старик, похожий на Клару Цеткин.

А у стойки расположилась проезжая шоферня, наворачивая за обе щеки свиную тушенку с кислой капустой. Конечно, и они, трудяги, пропустили по двести: мутные граненые стаканы за ненадобностью уже были отодвинуты к самому краю стола.

Обеда беспокойным, тоскующим взглядом чадное зальце чайной, Олег вдруг сказал, обращаясь к щеголеватому незнакомцу — соседу напротив:

— Извините... забыл спросить: я вам не помешаю?

Легонько поглаживая пухлой ладонью дряблую, но тщательно выбритую щеку, представительный мужчина с явным интересом уставился на Олега. Чуть помешкав, он благосклонно произнес:

— Ну, конечно, нет! Что за вопрос?

Потом налил в рюмку водки из пузатенького графинчика с золотым ободком (этот графинчик с тонкими рюмочками подавались белястым Филей и его женой лишь важным посетителям). Налил и, болезненно морщась, вздохнул потерянно:

— Вроде бы и приятности никакой в сей отраве, а вот... прикладываемся!

С этими словами представительный незнакомец взял рюмку и смело опрокинул ее в рот. А понюхав со знанием дела хлебную корочку, принялся сосредоточенно тыкать вилкой в сочную котлетку на тарелке.

«Хо-хо, ну, и бес Филя! — подивился про себя Олег, косясь на поджаренные аппетитные котлеты. — Не иначе из семейного рациона уделил важному командировочному малую толику. Своих односельчан он не балует!»

— Вы к нам по делу или по личным надобностям? — полюбопытствовал Олег, переводя взгляд на холеное лицо незнакомца с высоким лбом мыслителя.

Отвываясь на спинку стула, тот не спеша закивал, общительно улыбаясь.

— Из Белокаменной, — подтвердил заезжий. — Я, видите ли, ихтиолог... м-м... ученый, изучающий жизнь рыб, условия их размножения и все прочее, связанное с этим.

— А у нас на Волге, напротив ГЭС, институт такой открыли, — сказал Олег, гая в глазах недобрые огоньки. — Четырехэтажное здание занимают... Лет восемь назад в новом море еще водилась кой-какая рыбешка, а теперь — ни-ни! Ни одной малявки! Ну, а раньше... раньше всякий рыбищи в Волге невпроворот было!.. Так вы в помощь здешним ученым приехали или самостоятельно? Уж не за нашу ли Светлужку хотите взяться? В ней пока еще водится рыбка.

Ихтиолог сощурил свои грустновато-добрые, небесной голубизны глаза.

— Я понимаю скрытый смысл вашей иронии, — вздохнул он, снова наполняя свою рюмку. — Но поверьте — мы прилагаем все усилия...

Кто-то бесцеремонно потянул Олега за рукав. Оглянулся он, а это благоверная белястого Фили.

— Тебе что, другого места не было? — зашипела бой-баба, нависая над Олегом каменной глыбой. — Непременно сюда шайтан тебя потянул? У-у, необразованная культурность!

— Двести с прицепом и отчаливай! — бросил через плечо Олег, кладя на стол последнюю трешку. На той неделе ему повезло: за ремонт мотоцикла «Ковровец» он получил с начальника почты целую десятку. Но большие ли деньги — десятка? Разлетелись все, и не заметил когда!

Жена заведующего чайной поставила перед Олегом граненый стакан с водкой — желтовато-мутной, точно это не водка была, а болотная вода. Сунула под нос и кружку пива с шапкой пены.

Шмыгая нахальным — в три вершка — носом, Филина благоверная отсчитала сдачу с трешницы и, ощерив лошадиный рот с большими, косо торчащими зубами, спросила важного ученого:

— Вам добавочка не требуется? По части выпивки или по части еды?

Ихтиолог не сразу поднял голову, тронутую сединой.

— Это вы меня? Нет, нет... решительно ничего.

Филина благоверная опять шмыгнула носом-рулем и удалилась.

— Презабавная особа? А? — глянув на Олега смеющимися глазами, спросил сосед. — Эдакая грация... м-м... а?

— Поглядели бы вы, как она с разбушеввшимися пьянчугами справляется, — ответил Олег, набираясь духу за один раз осушить весь стакан. — Трухлявый Филя и не вмешивается.

— Как, как вы сказали? Трухлявый Филя? — Ихтиолог покрутил лбыной головой и засмеялся.

«Надо сматываться, — подумал Олег, с отвращением глядя на свой стакан. — Каким недобрым ветром меня занесло в эту вонючую дыру?»

Когда он, крякнув, поставил, нет, скорее бросил на стол пустой, глужо звякнувший стакан, ихтиолог восторженно воскликнул:

— А вы, сударь, молодчина!

Олег собрался было послать этого «научника» по рыбной части куда-нибудь подальше, да не успел: дверь чайной распахнулась, и на пороге появился тучный лысый тип с подбитым глазом.

«Хо-хо! И верзла ж!» — подивился Олег, уже забыв про своего общительного соседа.

А тучный тип в это время громко откашлялся и запел, держа перед собой измятую, потерявшую всякий цвет шляпу:

Красотка покинула детку,
Кудрявую девочку-дочь,
И с бравым усатым грузином,
Как молния, канула в ночь...

Голос у бродяги был дребезжащий, слезливый. Казалось, пел не мужчина с осанкой силача, а худенькая, болезненная девчурка-подросток.

Филина благоверная уже направилась было к двери, чтобы выставить непрошеного певца, но на нее зыкнула одна из девиц шумной заезжей компании:

— Мамашка, не смейте его трогать!

Лохматые парни, уже изрядно захмелевшие, тоже дружно заревели:

— Свободу народным талантам!

— Топай к нашему шалашу!

Ихтиолог неторопливо достал из кармана пиджака скрипучий кошелек. Порывшись в нем, извлек смятую рублевку. И бросил ее в шляпу проходившего мимо тучного бродяги.

Олег рывком отодвинул от себя расплескавшуюся кружку с пивом. Встал.

«Откуда, ну, откуда, в самом деле, несет сюда нелегкая эту прожорливую саранчу? — негодовал он, шагая по улице. В отяжелевшей голове шумело. — Посидеть спокойно, подумать о своей нескладной жизни и то негде. Ну, и жизнь — отрава! Такая скучища, а впереди... а впереди целая ночь. Соньку, что ли, повидать... как-никак, а баба она веселая!»

И вдруг на перекрестке улиц он увидел грудастую Соньку — она шла ему навстречу. Легка же бабочка на помине, ничего другого не скажешь! Нарядная, до крайности беспечная, шагала она бодро, как бы порхала, отмахиваясь от комарья кисейным шарфом.

«Окликнуть или свернуть за угол? — замедляя шаг, спросил себя Олег. — А может, она сама позовет? Неужели нисколько не соскучилась?»

По дороге мчался, пыля, грузовик. Еще миг-другой, он поравняется с Сонькой, а потом обгонит ее, пронесется и мимо Олега.

«Притворюсь-ка в стельку пьяным, — решил внезапно Олег. — Проверим, любит меня Сонька или уж остыла».

И Олег, выделывая ногами замысловатые коленца, игриво запел:

Э-эх, Самар-ра-а гар-радок,
Беспокойная я...

Когда же машина поравнялась с Олегом, он бросился ей наперерез. Он собирался лишь напугать Соньку, но чуть и на самом деле не попал под тяжелый грузовик с кирпичом.

Расторопный шофер рванул машину влево, и Олег, ударившись плечом о лязгающий борт, упал. Несколько минут лежал он вниз лицом, окутанный облаком едучей пыли, все еще надеясь на Сонькино мягкосердечие. Но она не только не подошла к распластавшемуся посреди дороги Олегу, она протопала мимо, даже не оглянувшись.

— Баламута задавили! Плугаря... Ходячую жердь машина смяла! — уже горланили сорванцы, несясь со всех концов улицы к месту происшествия.

Превозмогая боль в плече, Олег поднялся на ноги. Злобно цыкнув на мальчишек, он поплелся домой — чумазый, весь вываленный в пыли.

— Стерва! — шептал он искусанными в кровь губами. — Ну, и стерва! Видать, вправду с Тишкой спуталась... Только пусть знает — Плугарев ей это так не спустит!

XIII

Ленька Шитков, распираемый жгучим любопытством, отыскал Олега на погребнице.

Село изнывало от полуденного, нещадно палящего светила, а здесь, в зеленовато-янтарном прохладном полумраке, казалось, был открыт филиал рая местного значения. И в этом раю блаженствовал Олег, развалился на тулупе.

Когда пронира Ленька, обежав весь двор, догадался все же заглянуть на погребницу, Олег сладко спал.

«Или только притворяется?» — подумал недоверчиво Ленька. Ему пришлось раза три подергать Олега за голую ногу, прежде чем тот нехотя заворочал головой.

— Кто там? — пробурчал Олег, с трудом разлипая губы. — И поспать не дадут безработному человеку!

Пыхтя, Ленька влез на погребницу.

— Дверь прикрой! — все еще сонным голосом проговорил Олег и повернулся на другой бок. — Хочешь подремать — пристраивайся. Места хватит.

Ленька снова потянул Олега за ногу.

— Да ты что выдумываешь? Кто это днем дрыхнет?

— Сказал тебе русским языком: безработные! — огрызнулся Олег, не открывая глаз.

— Брось дурить! Ты вот послушай... околеешь со смеху! Все Акуши от мала до велика только об этом и судачат!

И Ленька захихикал, прижимая к животу ладони.

— Эх, Ленча, Ленча, и прилипчив же ты! Как банный лист! — Олег сел, протирая кулаком глаза. — Что у вас там за столпотворение?

— Ну, эту, твою... бывшую, значит, на Светлужке с Тишкой накрыли, — зачастил азартно Ленька. — У Аришкиного омота... ну, у того, одичалого, в котором после войны девка Мишкиных утопилась. В этом как раз месте они оба голышами и плескались в свое удовольствие!

Олег покачал большой, взлохмаченной головой, позевнул лениво.

— Я что-то спроносок не пойму... кто с Тишкой купался?

— Да опять же Сонька — отчаянная головушка! Кто же еще на такое отважится! — Ленька снова залился смешком.

— Сонька, говоришь? Враки! Или ты не знаешь, какая она трусиха? Она на километр не подойдет к берегу! Да только ли она змей боится? Весь женский пол...

Ленька нетерпеливо перебил Олега:

— Все змеи на Уркину гору уползли. Наша соседка, тетка Глафира, сказывала: забрела она послепозавчера... тьфу, ты — третьеводни! Забрела она третьеводни на Уркину гору — за земляничкой ходила, а ее голая вершина вся гадюками кишит. Свадьба, видно, у них... клубками перевились, тошно смотреть. Так что теперь не один ты, герой, а все, кому охота, стали бултыхаться в Светлужке.

Повалившись опять на тулуп, Олег спросил — все еще недочерчиво:

— А как же их накрыли?

— Бельишко ихнее какой-то хват припрятал. Вот из-за чего сырбор разгорелся! Хватились они одежки, а ее и след простыл. Мечутся туда-сюда по берегу, а тут и пацанята набежали. Не то мальчишкам кто-то шепнул, не то сами случайно наткнулись на голую парочку в бедственном положении. А уж когда муженек Соньки прикатил на мотоколяске, Тишка на тот берег переплыл и огородами, все огородами, прикрывая рукой срам, домой прокрался. Сонька, естественно, заявляет муженьку: «Купалась одна и сном-духом никакого Тишку не видела, а бельишко, дескать, слямзил кто-то». Но Вася, он мильтон с нюхом, стал шарить по кустам. Не зря люди балакают: ежели самогонщик какой или жулёк в сельповской лавке заведется, то он непременно выследит и накроет! Ну, и тут тоже... Шарил, шарил Вася и наткнулся. В дупле вяза нашел узел. Тут тебе и Тишкина гимнастерочка с брючками, тут тебе и Сонькин сарафанчик-раздуванчик с панталончиками.

— Хо-хо! Ну и знатная история! — протянул Олег без особого рвения. — Вот спишь себе и знать ничего не знаешь, а люди, ишь ты, какие номерки откалывают!

— Так уж и знать ничего не знаешь? — подозрительно переспросил Ленька. Чуть выждав, прибавил: — А по селу слушок пополз... будто твоих рук это дельце пикантное. Соньке мстишь за измену.

— Я? — Олег, оскалясь, приподнялся на локте, сверкая налившимся кровью глазами. — Да я глотку за поклеп перегрызу! Скажи только, кто брешет?

Трусливо пятясь назад, к дверце, Ленька кисло заулыбался.

— Перестань! Ну, чего вылупился? Это я так... попытать тебя хотел.

XIV

Тощий, до крайности измученный болезнью, Пшеничкин помолчал, уставясь на Олега круглым, немигающим глазом. Олегу почему-то всегда казалось, даже с незапамятных — первых школь-

ных — лет, что Семен Семеныч особенно пристально смотрит на собеседника левым — стеклянным глазом. Отвечая, бывало, заданный урок, восьмилетний Олег старался не глядеть в продолговатое иссохшееся лицо учителя с резкими аспидными морщинами.

«Вот что наделала с человеком война, — вздохнул про себя Олег, переводя взгляд на холодные плитки больничного пола. — А говорят, парнем красавец из красавцев был. Девки по Пшеничкину с ума сходили».

— Не вздыхай глубоко, не отдадим далеко, — заговорил Пшеничкин шутливо, негромко, дотрагиваясь до Олегова плеча узкой трехпалой рукой. — На той неделе меня выпишут. Потерпи чуток и не буянь. И Лукшину скажи... скажи старому — в обиду не дадим. — Он улыбнулся заодно, ободряюще. — Я ведь тебя, Олег, еще таким вот помню. С мальчишеских лет ты горяч. Так и не удалось мне обуздать скакунка. — И, кашлянув в кулак, добавил, добавил жестко, наставительно: — Я бы на твоём месте не бросал огородную бригаду. Самовольничать...

— А вы что думаете, мне не надоело две недели бить баклуши? — не вытерпев, взорвался Олег. — Я готов бревна таскать, только бы...

В коридоре появилась сестра, неслышно притворив за собой стеклянную дверь. Сказала непреклонно:

— Пшеничкин, пора укол делать.

— Да, да. — Пшеничкин заспешил, вставая. Придерживая левой рукой полы пропахшего лекарством халата, он еще раз похлопал Олега правой, трехпалой, по плечу. — Ну, Плугарев, бывай. До скорой встречи.

Идя по двору больницы, Олег озорно подмигнул идущей навстречу девочке — голенастой, невзрачной, бледностью и нескладностью своей так похожей на агроному дочку Верочку, над которой он от души поизмывался в огородной бригаде. Девчонка жарко покраснела и припустилась со всех ног бегом, точно Олег собирался за ней увязаться. Это окончательно его развеселило.

— Ну, и невеста без места! — закричал он вслед улепетывающей козе. — А я-то посвататься хотел!

Шагая к райисполкому, где он надеялся найти попутный транспорт, Олег подумал: «Наверно, зря я беспокоил Пшеничкина... ему вредно сейчас расстраиваться. А этого гада Волобуева надо гнать из бригадиров! И как только ухитрился эдакую власть над предом занять? Ума не приложу!»

Поморщился Олег, свел сурово брови. А на замаслившись от пота скулах заходили желваки.

После того вялого, туманного утра, когда его, Олега, хотели обманом заставить перепахать жалкие сотки старикова огорода, он ни разу не видел Петра Ильича Лукшина. Он даже обходил стороной

избу Лукшина, будто и на самом деле был в чем-то виноват перед старым крестьянином. Но стоило Олегу вспомнить то утро — солнце тогда долго боролось с липкой мглой, преграждавшей ему путь к людям, — как перед глазами непременно возникал разгневанный лучшим Лукшин...

У двухэтажного кирпичного здания райисполкома с клумбами душистого горошка по обеим сторонам широкого крыльца не было ни одной живой души. Лишь белые куры бродили у коновязи, роаясь лениво в навозе.

«Неужто по колхозам вся писучая гвардия разъехалась?» — недоуменно пожал плечами Олег, окидывая взглядом наглухо прикрытые ставки окон. И лишь тут вспомнил: воскресенье нынче.

Раздосадованный Олег шуганул разъевшихся кур и побрел за город, не теряя надежды встретить на большаке какую-нибудь шальную машину.

В степи, за Бруснянами, было еще жарче. Не дрожала даже листва на обомлевшей от духоты одинокой осинке, стоявшей у самой развилки трех дорог. Полосатые обленившиеся шмели, забравшись в раструбы полинялых колокольцев, разросшихся под не радующим душу деревцем, подолгу не вылезали из них, ровно прятались от пекла.

К городским окраинам подступали поля. Поля и поля до самого горизонта — текучего, как бы плавящегося на огне. Жигулевские и Сокские горы, еле приметной ломаной синь-синей полоской протянувшиеся в несусветной, обманчивой дали, тоже млели, колыхались, как мираж.

Сидя на облысевшем бугре, усеянном окурками и подсолнечной шелухой, Олег думал о Лариске. Она, эта тихая, совестливая девчонка с глазами, такими задумчивыми и грустноватыми, не выходила у него из головы.

После памятного вечера, когда Лариска наотрез отказалась ехать с Олегом в Ставрополь на концерт польских артистов, он чуть ли не каждый вечер кружил по Заречью, брэнча на гитаре, все надеясь на встречу со строптивой девчонкой. Но она, затворница, не показывалась на улице. Ларискины подружки не без лукавства шептали мрачному Олегу: «Сохнет, бедняжка, над учебниками. А завлекательный усатик по два раза в день носит ей толстые книжищи». «Ты уж, Олежка, потерпи, — подтрунивали над ним насмешницы. — Должны же Лариске наскутить ученые книжки? Тогда и появляйся в нашем курмыше со своей семиструнной. Авось, и сбежит Лариска от усатика!»

Много раз собирался Олег проучить как следует нахального фельдшера, чтобы отбить у него охоту бегать к Лариске, да все руки не поднимались. Боялся Лариски. Боялся, как бы после этого мордобоя девчонка не отвернулась от него навсегда.

Олег так глубоко задумался, что не сразу увидел показавшийся из ложины, со стороны Сызрани, грузовик с прицепом. Машина свернула на убегающее в сторону Актушей шоссе, когда Олег, очнувшись, вскочил, замахал шоферу рукой. Но тот и не подумал останавливаться. Высунув из кабины красную пухлощекую рожу, он лишь ощерился, оголяя до ушей слепяще белые зубы.

«Ах ты, молекула несознательная!» — выругался про себя Олег и бросился вслед за машиной, уже скрывшейся в клубах пыли.

На последнем издыхании вцепился он мертвой хваткой в хлябающий борт прицепа. С минуту, наверно, висел Олег на руках, собираясь с силами. Но вот перекинута через борт правая нога, а вот он и сам повалился грузным снопом в кузов на мешки с мукой.

Отдышавшись, Олег поудобнее устроился на самом верхнем мешке. Глядя на буйное море наливавшей колос пшеницы, желтеющей знойно и ослепительно, он запел. Без слов была эта тягучая, прямо-таки калмыцкая песня тоски и отчаяния...

До Актушей оставалось километров семь, не больше, когда грузовик повернул вправо, к нефтепромыслу. Спрыгнув на повороте, Олег помахал шоферу ногой. А отряхнув брюки от прилипчивой мучной пыли, зашагал бодро в сторону Актушинского бора.

Не прошел Олег и двухсот метров, как его догнал на двухколесной повозке кузнец дядя Кирилл. Остановив каурюю кобыленку, кузнец молча кивнул Олегу: «Садись, места хватит!»

— Откуда, дядя Кирилл? — спросил Олег, усаживаясь рядом с кузнецом на охапку сочной хрусткой травы. Он, признаться, не ждал ответа.

Но дядя Кирилл, к изумлению Олега, прикурив от зажигалки погасшую самокрутку, коротко обронил:

— От Юркова. — Почмокав губами, добавил: — Н-но, сухолядая!

Кобыла покорно затрусилась, куцым хвостом отмахиваясь от надоедливых слепней.

— А что там у Митюхи? — не унимался Олег. — Поломка какая-нибудь?

Кузнец взмахнул поцарапанной рукой в черных точках от вьвшего масла.

— Теперь исправно тарахтит!

Два пальца на руке дяди Кирилла были обмотаны изоляционной лентой.

«Давно... эх, и давно ж я не виделся с Митюхой! — подумал покаянно Олег. — Непременно завтра сбегая к нему на стан. Авось, пустит на трактор проветриться... пока никого из посторонних поблизости нет. А то руки... руки у меня совсем истосковались по работе».

Как бы стыдясь кузнеца, он зажал между ног свои руки —

большие, шишкастые, такие сейчас непривычно белые. Белые и мягкие.

Горы на горизонте росли, ширились, принимая все более четкие очертания. Лишь только самые дальние хребты все еще пронзительно синели. Выраставшие же прямо перед глазами утес за утесом все время меняли краски. Вначале горы густо лиловели, когда же слева показалась вышка-раскоряка на холме Усладинского кордона, склоны отрогов стали отливать малахитом, а обнаженные кручи вершин слабо зааляли.

«Иные чудаки в отпуск непременно в Крым али на Кавказ отправляются,— усмехнулся про себя Олег, глядя поверх лошадиной головы на Жигули,— а нашей, тутошной красоты не видят. Смехота, да и только!»

И сердце у него вдруг переполнилось такой необъяснимой окрыляющей радостью, что захотелось или обнять всю эту родную с пеленок землю, или загорланить старинную — самую любимую песню матери, песню удалицы, разбойничью:

Еще как-то нам, ребята, пройти?
Астраханско славно царство пройдем с вечера,
А Саратовску губерню на белой зорьке.
Мы Самаре-городочку не поклонимся,
В Жигулевских горах мы остановимся.

...Олег первым заметил сероватое облачко на дороге. Облачко круглилось, росло, точно снежный ком.

— Грузовик катит,—сказал Олег, не поворачивая головы к дяде Кириллу, скрутившему себе новую сигару.

Кузнец промолчал. Мало ли за день пронесется по шоссе разных машин. Попробуй пересчитай! Но некоторое время спустя, вытягивая шею и глядя упрямо вперед на приближающийся грузовик, нагруженный выше кабины сеном, дядя Кирилл недоуменно пробурчал:

— Какие ж это головы сенцо-то турятся разбазарить?

Миг-другой и Олег пристально всматривался вперед. Неожиданно он выхватил из Кирилловых рук вожжи и, понукая кобылку, развернул повозку поперек дороги.

— Баламут, под ребро тебя дышлом! — закричал встревоженно кузнец, пытаясь вырвать у Олега вожжи.— Под машину хочешь угодить?

— Не трожь! — увертываясь от кузнеца, взревел Олег.— Разуй глаза... Тишка в кабине... Волобуевский племяш! Неладным тут пахнет!

Машина приближалась, и шофер принялся настойчиво сигналить, требуя убираться с дороги.

— Стой! — зыкнул Олег, выпрыгивая из повозки. Он встал посреди шоссе, широко раздвинув свои длиннющие ноги, и теперь, казалось, никакая сила не сдвинет с места этого упрямого, своевольного парня.

Пронзительно скрипя тормозами, грузовик замедлил ход. Остановился он всего в нескольких шагах от неморгнувшего глазом Олега, отдавая его волной горячей, угарной пыли.

— Растуды вашу мать, вы чего озорничаете? — заорал бешено шофер, высовываясь по плечи из кабины. Большие потемневшие глаза его недобро сверкали. — В милицию захотели?

— Остынь малость, — спокойно проговорил дядя Кирилл. Твердо поставил на железную приступку ногу и так же спокойно спросил: — Куда наше сено волокете?

Сбавляя прыть, шофер угрюмо проворчал:

— Его вон спрашивайте. Мое дело маленькое.

Заметно побледневший Тишка, все еще пытаясь храбриться, набросился на Олега:

— Ты, Плугарь, давно бандитизмом на большой дороге занимаешься? Видать, маловато тебя в кутузке держали! Еще захотел, баламут непутевый?

Тоже бледнея, Олег тяжело, снизу вверх посмотрел на Тишку. Их разделяла всего-навсего железная дверца. Вначале могло показаться: сейчас рванет Олег эту дверцу, схватит Тишку за ворот отутюженной гимнастерки и выволочет его на пыльную дорогу. И в кровь измордует гладкого, лупоглазого малого. Но Олег сдержался, пряча за спину набрякшие тяжестью кулачищи.

Тишка же, не выдержав его испепеляющего взгляда, отвернулся. Обращаясь к кузнецу, он, заикаясь, заюлил:

— Кирилл Силаич! У меня разрешение правления. Я... я не самовольно. Сено для нужд се-сельпо...

— Бумажку кажи, — потребовал дядя Кирилл.

— Один момент. Я... я сейчас. — Тишка зашарил по карманам дрожащими пальцами. — Где же она... Эх, растяпа! Дома, видать, у мамыши оставил... Да вы, Кирилл Силаич, можете с дороги прямехонько к нам завернуть. Вспомнил: на кухонном столе забыл бумаженцию. Член правления Волобуев ее подписал.

Сухопарый кузнец потемнел лицом. Сдвинув на затылок насквозь промасленную кепчонку, он с презрительной беспощадностью протянул:

— Со-опля! Уворовать... и то путем не смогли со своим дядей!

Сплюнул под ноги. Распорядился:

— Садись, Олег, в кабину. Тишка пушай ко мне в таратайку лезет. А ты, миляга, прямиком к сельсовету гони своего скакуна. Мы за вами поспешать будем.

XV

Из-за о-остра-ава-а на стре-эжень,
На-а пра-остор-р р-речно-ой волны,—

вдруг заорал что есть мочи Олег, приглашая взглядом парней и девок, тесно сидевших вокруг стола, подхватить удалую. И песню подхватило сразу несколько голосов:

Вы-ыплыва-али ра-распи-исные
Сте-эньки... Стеньки Ра-азина-а челны...

Но Олег, забыв уже про песню, полез целоваться с виновником торжества — самым закадычным другом детства чубатым Пашкой Емелиным, прикатившим неожиданно-негаданно в отпуск из далекой Сибири.

— Пашка, ты мне друг али не друг? — обнимая широко раздавшегося в плечах краснощекого здоровяка, вопрошал Олег. — Скажи че-честно: друг али не друг?

— Самый наипервейший! Во-о какой ты мне друг! — И Пашка, тоже изрядно захмелевший, облобызал троекратно Олега в мокрые губы. А потом тряхнул всклокоченной головой, тряхнул отчаянно и загорланил на всю горницу:

Из-за о-острова-а на стре-эжень...

Олег всхлипнул от переполнивших его душу радостных чувств. Никому не известный раньше Пашка Емелин, одноклассник Олега, в прошлом уехавший по комсомольской путевке чуть ли не на край света, теперь прославленный на всю трассу Абакан—Тайшет передовик-путеец!

И опять, обнимая горячо своего Пашку, Олег загудел ему в лицо: — А меня, др-руг Па-аша, возьми на трассу? А?

На зубах Пашки похрустывал пупырчатый огурчик.

— Запросто! — кивнул он и потянулся за пирожком с ливером. — Со мной — за-апросто!

— Да-даже без путевки? — не отставал Олег. — И без путевки возьмут?

— Мигом оформим! — Пашка покровительственно похлопал Олега по спине. — Главное — готовь чемодан. Через недельку вместе укатим!

И сунул Олегу в рот надкусанный пирожок.

Кто-то из парней насмешливо прокричал:

— Не-е, мы своего героя не отпустим! Ты, Павел, знаешь, чего нынче днем Плуگارь отчубучил? Тишку с ворованным сеном задержал!

Олег протестующе замахал руками:

— Не один я! Мы с дядей Кириллом... мы с ним субчика заарканили!

Вдруг сидевший по другую сторону стола чубатый большелобый детина в косоворотке постучал вилкой по граненой рюмке, требуя тишины.

Глянув на чубатого, Олег дурашливо ахнул:

— Ты, комсомольский секретарь... откуда ты взялся? С неба упал?

— Помолчи, погремушка! — поморщился тот. И, обращаясь к ребятам и девочкам, сидевшим за столом, так же спокойно, не повышая голоса, сказал: — Завтра открытое комсомольское собрание созываем. Попросим председателя выступить... о ходе сенокоса и подготовке к уборке. Поставим ребром вопрос о Волобуеве... Не забудем и тебя, безработная единица. — Чубатый строго посмотрел на Олега. — Так что не очень-то геройствуй.

— Не боюсь! — с отчаянной лихостью выкрикнул Олег. Вскочил и, выбивая ногами чечетку, посыпал скороговоркой:

Мою милую венчали,
Я под лавкою лежал...

Не сразу остановила Олега мать Пашки — тихая, неприметная тетка Мариша с темным лицом скорбной великомученицы.

— Олег! Да постой ты, Олег!.. Я чтой-то сказать тебе хочу.

Пригнула его непослушную голову, зашептала тревожно на ухо.

Остолбенел Олег. А потом бросился из горницы вон. Ему навстречу шла Клаша — замужняя сестра Пашки, неся огромное блюдо с янтарно-розовеющим поросенком, украшенным бумажными цветами. Клаша не успела посторониться, и Олег вышиб у нее из рук глиняное блюдо.

Не оглядываясь на поднявшийся в горнице гвалт, Олег выбежал в сени, распахнул во двор тесовую дверь.

Над Актушами уже властвовала ночь. Такая по-осеннему черная, густая нависла темь, что ее, думалось, можно было резать ножом, как студень.

— Кто тут... меня кликал? — спросил Олег, не узнавая своего голоса.

Откуда-то сбоку, из-за сеней он услышал шепот:

— Подойди сюда... это я, Олег.

— Лариска! — вскричал ошалело Олег и прыгнул с высокого крыльца на землю. — Где ты, Ларис?

Кто-то прикрыл ему ладонью рот.

— Молчи! И шагай за мной.

На заднем дворе, у коровника остановились. На Лариске был тонкий, шуршащий плащик. Тяжелый платок низко спускался на лоб.

— Ларис, ты ли это? — все еще не веря случившемуся, спросил Олег.

Взяв его за отвороты пиджака, Лариска горячо зашептала:

— Не ночуй, Олег, нынче у себя на сеновале... Я тебя... Я тебя очень прошу: оставайся до утра у Павлика. Поостерегись!

Весь хмель с Олега как рукой сняло.

— Ты говоришь... поостеречься? Мне? — растерянно пробормотал он, ничего не понимая. — Что с тобой, Лариса?

Приподнявшись на цыпочки, Лариска едва не коснулась губами Олега подбородка.

— А ты слушай! Волобуев со своим племянном Тишкой... они проучить тебя собираются. Сонькин Вася протокол на них составил и, может, завтра в район отправит, а они нынче ночью... отомстить тебе собираются.

И Лариска, отпустив Олега, толкнула его в грудь:

— Заночуй здесь, Олег!

Накрапывало. Какое-то время Олег стоял окаменело. Лариске показалось — минула вечность. Но вот Олег жадно хватанул раскрытым ртом воздух и, поводя пятерней по мокрому лицу, моляще, еле сдерживая душившие его слезы, прерывисто прошептал:

— Спасибо тебе, Ларис. Я... я не из пугливого десятка. Но я никогда этого не забуду. Дай только мне... хоть руку свою, Ларис...

А когда она, чуть помедлив, протянула Олегу холодную свою руку, пахнущую и дождем и ландышами, он поднес ее к дрожащим губам. И совсем неожиданно для Лариски поцеловал.

Виктор Иванович Баныкин

БАЛАМУТ

Редактор **Е. Ф. Олейник**.

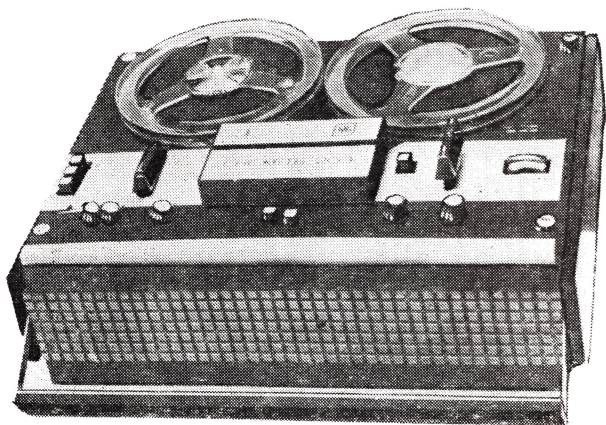
Технический редактор **Е. Н. Щукина**.

Сдано в набор 09.09.81. Подписано к печати 19.11.81. А 00465.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 4,23.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 2597. Зак. № 1256. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Цена 25 коп.

Индекс 70668

С помощью магнитофона «СНЕЖЕТЬ-203» можно создавать любую комбинированную программу. В конструкции магнитофона — большие возможности: устройства «Трюк» и «Пауза» позволяют сделать самые разнообразные записи на четырех дорожках и трех скоростях. Счетчик магнитной ленты позволяет находить нужный фрагмент. Надежность, удобство и простота в обращении — неотъемлемые качества магнитофона «Снежень-203».

Цена — 220 руб.

ЦКРО «Радиотехника»